

эксклюзивная мировая премьера канала FOX

БЛЕЙК КРАУЧ

«Сосны» — намного больше,
чем новый «Твин Пикс».

The Guardian

Сюда ведет лишь одна дорога...
А отсюда — ни одной...

СОСНЫ

Город в Жирге

Блейк Крауч
Сосны. Город в Нигде
Серия «Заплутавшие
Сосны», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11286685
Сосны. Город в Нигде : «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-81881-5

Аннотация

Специальный агент Секретной службы США Итан Берк приходит в себя в больнице захолустного городка в штате Айдахо – и понимает, что не помнит ничего. Ни кто он, ни как попал сюда, ни что с ним случилось. Сбежав из больницы, Берк бродит по городу с романтическим названием Заплутавшие Сосны – и постепенно обретает память. Его послали сюда с целью отыскать двоих коллег, бесследно пропавших некоторое время назад. Но на въезде в город Итан попал в автоаварию – и на этом воспоминания обрываются. Он пытается связаться с местными властями, а через них – со своим начальством, но это у него не выходит. Тогда он пробует покинуть город – но и здесь терпит неудачу: поразительно, но все дороги

из Заплутавших Сосен ведут обратно. Итан понимает, что с городком что-то очень сильно не так...

Содержание

Глава 01	6
Глава 02	30
Глава 03	71
Глава 04	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Блейк Крауч

Сосны. Город в Нигде

Blake Crouch

Pines

Copyright © Blake Crouch, 2012.

WAYWARD PINES © 2015 Bluebush Production, LLC. All Rights Reserved.

© Филонов А.В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2015

Несмотря на свидетельства того, что эволюция человечества идет по-прежнему, биологи едины во мнении, что остается лишь гадать, куда она нас заведет.

Журнал «Тайм», 23 февраля 2009 года

То, что ты параноик, вовсе не значит, что тебя не преследуют.

Джозеф Хеллер

Глава 01

Он очнулся, лежа на спине, под солнечным светом, бьющим в лицо, под шум воды, бегущей где-то по соседству. Оптический нерв пронзала блистательная боль, а в основании черепа неустанно, но пока безболезненно пульсировали отдаленные раскаты грома подступающей мигрени. Перекатившись на бок, он оттолкнулся, перейдя в сидячее положение, спрятав голову между коленей. Ощутил неустойчивость мира задолго до того, как распахнул глаза, словно его ось сорвалась на дребезг. При первом вдохе почувствовал, будто кто-то вгоняет стальной клин между верхними ребрами левого бока, но, со стоном продравшись сквозь боль, с усилием открыл глаза. Левый глаз, должно быть, совсем заплыл, потому что смотрел как через щелку.

Зеленейшая трава, какую он только видел – целый лес длинных, мягких былинки, – сбегала к берегу. Чистая, стремительная вода бурлила среди валунов, торчащих из потока. За рекой – вознесшийся на тысячу футов утес. На уступах – растущие кучками сосны, воздух напоен их ароматом и свежестью проточной воды.

На нем черные брюки и черная куртка с оксфорд-

ской рубашкой под ней; белый хлопок забрызган кровью. Под воротником болтается черный галстук с почти распустившимся узлом.

При первой попытке встать колени подломились, и он плюхнулся обратно – достаточно жестко, чтобы послать через грудную клетку вибрации жгучей боли. Вторая попытка увенчалась успехом, и он обнаружил себя шатко, но стоящим на земле, вихляющейся под ногами, как палуба корабля. Медленно обернулся, шаркая ногами и расставив их пошире для равновесия.

Спиной к реке, он стоял на краю открытого поля. В дальнем конце под перекальным светом полуденного солнца блестели металлические поверхности детских качелей и горок.

Вокруг ни души.

За парком он углядел викторианские дома, а еще дальше – здания главной улицы. Городишко от силы с милю в поперечнике угнездился посреди каменного амфитеатра, окруженный скальными стенами, возносящимися на несколько сотен футов с каждой стороны, состоящими из красных слоистых пород. В высочайших, погруженных в тень закоулках горы сохранился снег, но здесь, в долине, тепло, на кобальтово-синем небе над головой ни облачка.

Проверил карманы брюк, потом – своего одnobорт-

ного пиджака.

Ни бумажника. Ни зажима для денег. Ни документов. Ни ключей. Ни телефона.

Только маленький швейцарский армейский ножик в одном из внутренних карманов.

* * *

Пока добрался до другого края парка, у него прибавилось и бодрости, и недоумения, а пульсация в затылочной части позвоночника уже утратила болезненность.

Он знал шесть вещей:

Имя нынешнего президента.

Как выглядит лицо матери, хотя и не мог припомнить ни ее имени, ни даже звучания ее голоса.

Что он умеет играть на фортепиано.

И водить вертолет.

Что ему тридцать семь лет.

И что ему нужно в больницу.

Помимо этих фактов, весь мир вообще и это место в частности были настолько же непостижимы для него, как именовслов на неизвестном языке. Он чувствовал, что истина маячит где-то на периферии сознания, но вне пределов досягаемости.

Он шагал по тихой улице жилого района, внима-

тельно приглядываясь к каждому автомобилю по пути. Не принадлежит ли один из них ему?

Дома, обращенные фасадами друг к другу, выглядели девственно чистыми – свежескрашенные, с безупречными квадратиками яркой травы, обнесенные штакетными заборчиками, с фамилиями домовладельцев, выписанными белыми печатными буквами сбоку на черных почтовых ящиках у каждого. Почти в каждом заднем дворе виднелся трепетный садик, буйствующий не только цветами, но и овощами, и фруктами.

Все цвета так чисты и насыщены.

Ходьба давалась с трудом, и на полпути через второй квартал он скривился, совсем запыхавшись; боль в левом боку заставляла то и дело останавливаться. Сняв пиджак, выправил рубашку из брюк, расстегнул и распахнул ее. Выглядело даже хуже, чем ощущалось, – вдоль всего левого бока расплылся темно-лиловый синяк, опоясанный пограничной полосой чахоточной желтизны.

Что-то его ударило. Крепко.

Легонько провел ладонью по поверхности черепа. Головная боль прочно угнездилась там, становясь отчетливее с каждой минутой, но пальцы не нащупали никаких признаков серьезной травмы, не считая болезненности с левой стороны.

Застегнув рубашку, снова заправил ее в брюки и двинулся дальше по улице.

Вывод просто-таки вопил: его постиг какой-то несчастный случай.

Может, автомобильная катастрофа. Может, падение. Может, на него напали – тогда ясно, почему при нем нет бумажника.

Надо первым делом заявиться в полицию.

Вот только...

Что, если он переступил черту? Совершил преступление?

Возможно ли такое?

Может, следует выждать, поглядеть, не забрезжит ли что-нибудь в мозгу.

Хотя городок не казался ему даже отдаленно знакомым, он поймал себя на том, что, ковыляя по улице, читает фамилии на всех почтовых ящиках подряд. Подсознательный рефлекс? Потому что где-то в недрах памяти он знает, что на одном из этих почтовых ящиков должна быть напечатана сбоку его фамилия? И что стоит ее увидеть, как все встанет на свои места?

В нескольких кварталах впереди над соснами возносились здания центра города, и он расслышал – впервые за сегодня – шум движущихся автомобилей, далекие голоса, гул систем вентиляции.

Вдруг он оцепенел посреди улицы, непроизвольно

вытянув шею.

Воззрившись на почтовый ящик, принадлежащий красно-зеленому двухэтажному «викторианцу».

Воззрившись на фамилию сбоку.

Пульс начал учащаться, хоть он и не понимал, почему.

МАККЕНЗИ.

«Маккензи».

Фамилия не говорила ему ровным счетом ничего.

«Мак...»

Зато первый слог как раз говорил. А вернее, вызвал некий эмоциональный отклик.

«Мак. Мак».

Он что, Мак? Это его имя?

«Меня зовут Мак. Привет, я Мак, рад познакомиться».

Нет.

Привкус от имени на языке остался какой-то неестественный. Оно не воспринималось как принадлежащее ему. А если честно, так и вовсе вызывало неприязнь, потому что навевало...

Страх.

Как странно. По какой-то причине это слово внушило страх.

Может, увечья ему нанес некто по имени Мак?

Он двинулся дальше. Еще через три квартала вы-

шел на угол Главной улицы¹ и Шестой, где уселся на скамейку в тени и сделал медленный, осторожный вдох. Поглядел вверх и вниз по улице, отчаянно отыскивая взглядом что-нибудь знакомое.

Ни одного сетевого магазина в пределах видимости.

По диагонали от скамейки виднеется аптека.

Рядом кафе.

Трехэтажное здание возле кафе с вывеской над крыльцом:

ОТЕЛЬ «ЗАПЛУТАВШИЕ СОСНЫ»²

Запах кофейных зерен повлек его со скамейки. Подняв взгляд, он увидел в полуквартале от себя заведение под названием «Ароматный парок», откуда тот, должно быть, и доносился.

Гм-м.

Может, и не самые полезные сведения, учитывая

---

¹ Можно именовать ее и «Мейн-стрит», но тогда некоторые смысловые нюансы потребуют совершенно неуместных интеллектуальных усилий (см. следующий комментарий). – *Здесь и далее: прим. пер.*

² Хотя по правилам топонимики следовало бы называть и населенный пункт, и гостиницу вслед за ним «Уэйурд Пайнз», перевод куда уместнее. Во-первых, чтобы с этим названием русскоязычному читателю было так же комфортно, как читателю англоязычного оригинала, не напрягая каждый раз сознание, чтобы уловить авторские аллюзии, а во-вторых, русская транслитерация «Уэйурд» представляется затруднительной как для глаза, так и для уха.

все обстоятельства, но в сознании забрезжило, что он любит хороший кофе. Жаждет его. Еще один крохотный фрагмент головоломки его собственной личности.

Дойдя до кафе, он потянул на себя затянутую сеткой дверь. Небольшое своеобразное кафе, и, судя по запаху, варит грандиозный напиток. Бар в дальнем углу справа сверкает эспрессо-машинами, кофемолками, миксерами, бутылками сиропов. Три табурета заняты. У противоположной стены выстроилась горстка диванов и стульев. Полка с истрепанными книжками в бумажных обложках. Два старикана за шахматной доской ведут сражение разношерстными фигурами. Стены демонстрируют образчики местного творчества – ряд черно-белых автопортретов какой-то дамы среднего возраста с выражением лица, не меняющимся от снимка к снимку ни на йоту. Меняется только фокусировка камеры.

Он подошел к кассе.

Когда двадцати-с-чем-то-летняя бариста с белокурыми дредами наконец углядела его, в ее красивых глазах промелькнуло что-то сродни ужасу.

Знает ли она меня?

Поймав свое отражение в зеркале за стойкой, тотчас же сообразил, что вызвало ее отвращение, – левая сторона лица обратилась в сплошной синяк, ле-

вый глаз вздулся, заплыв почти напрочь.

Боже мой. Кто-то избил меня в хлам.

Если же закрыть глаза на этот чудовищный синяк, он даже недурен собой. На глазок футов шесть, а то и шесть с дюймо³. Короткие черные волосы, на подбородок и щеки тенью легла двухдневная щетина. Крепкое, мускулистое телосложение очевидно и по тому, как сидит на плечах пиджак, и по туго натянувшейся на груди рубашке. Ему пришло в голову, что по виду он похож на работника рекламы или маркетинга – наверное, чертовски привлекателен, когда побреется и наведет лоск.

– Что вам подать? – осведомилась бариста.

Он убил бы за чашку кофе, но в карманах ни гроша, и ни малейшего понятия, как его зовут.

– Вы тут варите хороший кофе?

Вопрос девушку вроде бы озадачил.

– М-м... ага.

– Лучший в городе?

– Это единственное кафе в городе, но, ага, наш кофе дает жару.

– Вы меня знаете? – шепнул он, перегнувшись через стойку.

– Простите?

– Вы меня узнаете? Я сюда когда-нибудь заходил?

---

³ То есть 183–185 см.

– А вы что, не знаете, бывали ли здесь прежде?

Он покачал головой.

Она мгновение разглядывала его, будто оценивая его искренность, пытаясь определить, не сумасшедший ли этот тип с побитой физиономией и не вешает ли он ей лапшу на уши.

И наконец сказала:

– Не думаю, чтобы видела вас прежде.

– Вы в этом уверены?

– Ну, в Нью-Йорке дело обстояло бы иначе.

– Справедливо. Вы давно тут работаете?

– Чуть больше года.

– И я, типа, не местный?

– Вы определенно не местный.

– Можно спросить кое-что еще?

– Разумеется.

– Где это мы?

– А вы не знаете, где находитесь?

Он замешкался, отчасти не желая признаваться в столь полной и безоговорочной беспомощности. Когда же наконец покачал головой, бариста наморщила лоб, словно не в состоянии поверить в этот вопрос.

– Я не пудрю вам мозги, – вставил он.

– Это Заплутавшие Сосны, штат Айдахо. Ваше лицо... что с вами стряслось?

– Я... пока не знаю. В городе есть больница? – За-

давая вопрос, он вдруг ощутил, что его будто злое- щим током прошило.

Низковольтное предчувствие?

Или длань какого-то глубоко погребенного воспо- минания ведет вдоль хребта холодным пальцем?

– Ага, в семи кварталах отсюда. Вам надо в «Ско- рую» прям щас. Хотите, вызову машину?

– Обойдусь. – Он отстранился от стойки. – Спаси- бо... как вас зовут?

– Миранда.

– Спасибо, Миранда.

Стоило снова выйти на солнце, как чувство равно- весия дало сбой, а назревающая головная боль под- скочила на несколько делений, в нижний диапазон пыточной. Никакого уличного движения не было, так что он в нарушение правил просто пересек Главную и двинулся вдоль квартала к Пятой улице, миновав мо- лодую мамашу с маленьким сыном, шепнувшем что- то вроде: «Мамуля, это он?»

Шикнув на сына, женщина встретилась с мужчиной взглядом, нахмурившись с извиняющимся видом, и сказала:

– Простите, он вовсе не хотел грубить.

На углу Пятой и Главной он вышел к фасаду двух- этажного старинного здания из бурого кирпича с над- писью ПЕРВЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ БАНК ЗАПЛУТАВ-

ШИХ СОСЕН на двустворчатых стеклянных дверях. За углом здания виднелась телефонная будка рядом с переулком.

Доковыляв до нее во всю прыть, на какую сподобился, он закрылся в будке.

Таких тоненьких телефонных справочников он еще не видел. Стоя там, перелистывал его в надежде на какое-нибудь внезапное откровение, но все восемь страниц с несколькими сотнями имен – как, впрочем, и всё в этом городишке, – были лишены для него всякого смысла.

Выронив телефонную книгу, позволив ей болтаться на металлическом тросике, он прижался лбом к прохладному стеклу.

Наткнулся взглядом на клавиатуру.

И улыбнулся сладостному осознанию.

Я знаю свой домашний номер телефона.

Прежде чем снять трубку, наступал номер несколько раз для полной уверенности, и тот возникал под кончиками пальцев с механической отработанностью мышечной памяти.

Позвонит за счет абонента, уповая на бога, что дома кто-нибудь есть – подразумевая, что у него кто-нибудь есть. Конечно, ему придется назваться каким-нибудь именем, пусть хотя бы ненастоящим, но, может быть, его узнают по голосу и примут звонок.

Он снял трубку и поднес к уху.

Нацелил палец на «0».

Никакого гудка.

Несколько раз постучал по рычагу, но ничего не произошло.

Он сам изумился тому, насколько быстро накатила ярость. Грохнул трубку на рычаг – восходящий поток страха и злости, в поиске путей выхода взбухающий, как пламя. Отвел правую руку, собираясь врезать кулаком в стекло, и к черту костяшки, но боль в сломанных ребрах пронзила его навывлет, обрушив скорчившимся на пол телефонной будки.

Теперь пульсация в основании черепа вздыбилась.

В глазах все раздвоилось, расплылось, а затем потемнело...

* * *

Когда он снова открыл глаза, будка была погружена в тень. Ухватившись за металлический тросик, прикрепленный к телефонной книжке, вскарабкался на ноги. Через грязное стекло увидел верхний сегмент солнца, соскальзывающего за скалистый гребень, ограждающий городок с запада.

И едва оно скрылось, как температура упала на десятки градусов.

Все еще помня собственный номер телефона, он несколько раз выстукал его на клавиатуре для подстраховки и снова снял трубку проверить, не появился ли гудок. Молчание, не считая едва уловимого шороха белого шума, просачивающегося по линии, которого прежде вроде бы не было слышно.

– Алло? Алло?

Он повесил трубку и снова поднял телефонный справочник. В первый раз он изучал фамилии, нащупывая любое словечко, способное столкнуть память с мертвой точки или пробудить какое-нибудь чувство. Теперь же просматривал имена, ведя пальцем по странице сверху вниз и пытаюсь игнорировать боль в основании черепа, уже подползающую сызнова.

Первая страница – ничего.

Вторая страница – ничего.

Третья – ничего.

На шестой его палец задержался.

СКОЗИ Мак и Джейн

403 В 3-я ул. ЗСосны 83278..... 559–0196

Быстренько пробежал оставшиеся две страницы – Скози оказался единственным Маком, числящимся в телефонном справочнике Заплутавших Сосен.

Толкнув плечом складную стеклянную дверь, он вышел из будки в ранний вечер. Теперь, когда солнце опустилось ниже кольца скал, свет стремительно уте-

кал с небосвода, и температура начала падать.

Где я буду сегодня ночевать?

Он заковылял по тротуару, чувствуя, как часть сознания просто криком кричит, что надо идти прямоком в больницу. Он болен. Обезвожен. Голоден. Дезориентирован. Без гроша. Все тело болит. А дышать все труднее от парализующей боли, вспыхивающей в ребрах всякий раз, когда к ним прижимаются наполняющиеся воздухом легкие.

Но что-то в нем упорно сопротивлялось мысли идти в больницу, и, продвигаясь прочь от центра к жилищу Мака Скози, он понял, что именно.

Снова... страх.

Не знал, почему. Бессмыслица какая-то. Но не хотел даже близко подходить к этой больнице.

Только не в нынешнем состоянии. И вообще ни в каком.

Страх диковиннейшего рода. Неопределенный. Будто идешь по лесу ночью, не зная, чего именно следует бояться, а страх тем временем усугубляется именно своей загадочностью.

Два квартала на север вывели его на Третью улицу, и, сворачивая на тротуар и направляясь на восток, прочь от центра, он ощутил необъяснимое теснение в груди.

На первом почтовом ящике, который он миновал,

значилось «201».

Он прикинул, что жилище Скози всего в паре кварталов.

Чуть впереди на траве двора играли детишки, по очереди пробегая через струю разбрызгивателя. Стараясь идти ровно, не горбясь, но все-таки невольно оберегая правый бок от сотрясения ребер, он направился к их оградке.

При его приближении дети безмолвно застыли, беззастенчиво тараща на него глаза, полные любопытства с примесью настороженности, от которой ему стало не по себе.

Он пересек очередную дорогу, еще более замедлив шаг в следующем квартале, проходя под ветвями трех огромных сосен, нависших над улицей.

Как раз число живописных «викторианцев», населивших этот квартал, где все начинается на тройку.

Скози будет следующим.

Ладони его взмокли, а пульсация в затылке уже звучала, как бум-бум-бум басового барабана, погребенного глубоко под землей.

Две секунды двоения в глазах.

Он крепко зажмурился, а когда открыл глаза вновь, зрение было в порядке.

На следующем перекрестке остановился. Пересохший рот будто ватой набили. Каждый вздох давался

через муку, желчь подкатывала под самое горло.

Все это обретет смысл, когда ты увидишь его лицо.

Должно обрести.

Он сделал осторожный шагок на улицу.

С наступлением вечера холод начал стекать с гор в долину, понемногу наполняя ее.

Лучи солнца на вершинах придавали скалам, обступившим Заплутавшие Сосны, розоватый оттенок под стать темнеющему небосводу. Он попытался узреть в этом красоту и трогательность, но мэка воспрепятствовала этому.

Пожилая чета двигалась прочь от него, спокойно прогуливаясь рука об руку.

В остальном улица была пуста и безмолвна, шум центра совсем стих.

Он пересек гладкую черную полосу асфальта и ступил на тротуар.

Почтовый ящик 401 был прямо впереди.

403-й следующий на очереди.

Теперь приходилось все время щуриться, чтобы отогнать двоение в глазах и пронзительную пульсацию мигрени.

Пятнадцать мучительных шагов, и вот он стоит перед черным почтовым ящиком 403.

СКОЗИ.

Он восстановил равновесие, крепко ухватившись за острые концы штакетника.

Протянув руку, отпер калитку и толкнул ее обшарпанным носком черной туфли.

Под скрип петель она распахнулась.

Легонько ударившись о забор.

Дорожка из разноцветного старинного кирпича, будто лоскутное одеяло, вела к веранде с парой кресел-качалок, разделенных кованым железным столиком. Сам дом был пурпурным с зеленой окантовкой, и сквозь тонкие занавески виднелся свет внутри.

Просто иди. Ты должен узнать.

Он заковылял к дому.

Двоение в глазах накатывало тошнотворными вспышками, одолеть которые становилось все труднее и труднее.

Он ступил на крыльцо, выставив руки как раз вовремя, чтобы удержаться от падения, опершись о косяк двери. Бесконтрольно трясущимися руками схватился за дверной молоток, отведя его от бронзовой пластины.

Не дал себе даже доли секунды на размышление, чтобы не передумать.

Четырежды брякнул молотком по пластине.

Ощущение было такое, будто кто-то бил его по затылку каждые четыре секунды. Жгучие кляксы тьмы

заплясали перед глазами, будто миниатюрные черные дыры.

По ту сторону двери послышался стон паркета под весом приближающихся шагов.

Ноги стали как пластилиновые.

Чтобы удержаться, он ухватился за столбики, поддерживающие крышу веранды.

Деревянная дверь распахнулась, и мужчина, по возрасту вполне годящийся ему в отцы, поглядел на него через сетчатую дверь – высокий и худой, с хохлом седых волос на макушке, белой эспаньолкой и микроскопическими красными прожилками на щеках, предполагавшими пьянство на протяжении всей жизни.

– Могу я вам помочь? – осведомился он.

Выпрямился, усиленно моргая сквозь мигрень, собрав все силы, чтобы просто стоять без поддержки.

– Вы Мак? – Он расслышал страх в собственном голосе; пожалуй, и этот мужчина тоже.

Он сам был себе этим противен.

Старик наклонился к сетке, чтобы получше разглядеть чужака на своем крыльце.

– Чем я могу вам помочь?

– Вы Мак?

– Да.

Он подобрался поближе; старик попал в фокус. По-

веяло кислой сладостью красного вина от его дыхания.

– Вы меня знаете?

– Простите?

Теперь страх сублимировался в гнев.

– Вы. Меня. Знаете. Вы со мной это сделали?

– Ни разу в жизни прежде вас не видал, – отозвался старик.

– Это правда? – Его руки непроизвольно сжались в кулаки. – Есть в городе еще какой-нибудь Мак?

– Насколько я знаю, нет. – Толчком распахнув сетчатую дверь, Мак рискнул ступить на крыльцо. – Приятель, вид у вас не фонтан.

– Я и чувствую себя не фонтан.

– Что с вами стряслось?

– Это вы мне скажите, *Мак*.

«Милый? Там все в порядке?» – донесся женский голос откуда-то из дома.

– Да, Мадж, все нормально! – Мак поглядел на него. – Давайте-ка отвезу вас в больницу. Вы ранены. Вам нужна...

– Никуда я с вами не поеду.

– Тогда зачем вы явились в мой дом? – В голосе Мака прорезались ворчливые нотки. – Я просто предложил вам помощь. Вам она не нужна, вот и отлично, но...

Мак еще говорил, но его слова начали растворяться, тонуть в шуме, нарастающем под ложечкой, будто грохот товарного поезда, несущегося на него. Черные дыры множились, мир закружился. Ему просто не устоять на ногах еще пять секунд, если только голова не взорвется прежде.

Он поглядел на Мака – губы того еще двигались, и этот товарняк, приближающийся со шквальным грохотом, в ногу со зверским буханьем в голове, и он не мог отвести глаз от рта Мака, от зубов старика, – синяпы заискрились, пытаюсь нащупать контакт, и грохот, Боже, грохот, и буханье...

Не почувствовал, как ноги подкосились.

Даже не заметил, как оступился назад.

Только что был на крыльце.

И уже на траве.

Плашмя, всей спиной, с головой, идущей кругом от жесткого удара о землю.

Теперь Мак маячил над ним, глядя сверху вниз, наклонившись, упираясь ладонями в колени, а слова его безнадежно затерялись в грохоте товарняка, с воем проносащегося сквозь голову навывлет.

Он балансировал на грани потери сознания – чувствовал, как оно откатывает, остались считанные секунды, – и хотел этого, хотел, чтобы боль прекратилась, но...

Ответы.

Они прямо здесь.

Так близко.

Бессмыслица какая-то, но как-то это связано со ртом Мака. С его зубами. Он не мог перестать смотреть на них, не зная, почему и зачем, но все это где-то там.

Объяснение.

Ответы на всё.

И ему открылось: хватит упорствовать.

Хватит так отчаянно этого желать.

Брось думать.

Просто дай этому прийти.

Зубы зубы-зубызубызубызубызубзуб...

Это не зубы.

Это яркая, сверкающая решетка с печатными буквами МАК⁴ спереди.

Столлингс, человек рядом с ним на переднем пассажирском сиденье, не видит, что надвигается.

За трехчасовую поездку к северу от Бойсе стало очевидно, что Столлингс обожает звук собственного голоса и делает то, что делал все это время, – болтает. Он перестал слушать еще час назад, когда обнаружил, что может совсем отключиться,

---

⁴ Имеется в виду знаменитая марка тяжелых грузовиков и тягачей «Мак» (англ. MACK).

раз в пять минут или около того вставляя реплики вроде «я и не думал об этом в таком ключе» или «эм-м, любопытно».

И как раз повернулся, чтобы сделать этот символический взнос в беседу, когда прочел слово «МАК» в нескольких футах за окном со стороны Столлингса.

Даже не начал реагировать – едва успел прочесть слово, – когда окно рядом с головой Столлингса взорвалось градом стеклянного щебня.

Подушка безопасности тоже взрывается, вылетая из рулевой колонки, но с миллисекундным опозданием, чуть разминувшись с его головой, врезающейся в стекло достаточно сильно, чтобы пробить его насквозь.

Правый бок «Линкольн Таункар» вминается под апокалиптический звон разлетающегося стекла и скрежет сгибающегося металла, и голова Столлингса принимает прямой удар решетки радиатора грузовика.

Итан чувствует жар двигателя грузовика, врезающегося в автомобиль.

Внезапная вонь бензина и тормозной жидкости.

Кровь повсюду – сбегает по треснувшему ветровому стеклу, брызжет на приборную панель, ему в глаза, все еще вырываясь из того, что осталось от Столлингса.

«Таункар» скользит боком через перекресток под напором грузовика к стене того кирпичного дома с телефонной будкой возле переулка, когда он теряет сознание.

Глава 02

Ему улыбалась женщина. По крайней мере, ему подумалось, что это полный рот красивых зубов, хотя перед глазами все так расплывалось и двоилось, что толком и не скажешь. Она склонилась чуть ближе, обе ее головы слились воедино, и черты проступили достаточно четко, чтобы разглядеть, что она красавица. Форменный белый халат с короткими рукавами, застегнутый на пуговицы до самого низа, юбка кончается чуть выше колен.

Она все повторяла его имя.

– Мистер Бёрк! Мистер Бёрк, вы меня слышите? Мистер Бёрк!

Головная боль прошла.

Он начал медленно, осторожно наполнять легкие воздухом, пока боль в ребрах не оборвала вдох.

Должно быть, он скривился, потому что медсестра сказала:

– Вы еще испытываете дискомфорт в левом боку?

– Дискомфорт! – Он застонал сквозь смех. – Да, я испытываю дискомфорт. Определенно можете называть это так.

– Если хотите, могу дать вам какое-нибудь обезболивающее по сильнее.

– Думаю, обойдусь.

– Ладно, но надо не изображать из себя мученика, мистер Бёрк. Я сделаю что угодно, чтобы вам было комфортно, только скажите. Я ваша девушка. Кстати, зовут меня Пэм.

– Спасибо, Пэм. По-моему, я вас помню с прошлого раза, когда был здесь. Мне ни за что не забыть этот классический халат медсестры. Я и не знал, что их еще выпускают.

– Что ж, я рада, что память к вам возвращается. Это очень хорошо. Доктор Митер скоро вас проведает. Вы не против, если я померю вам давление?

– Разумеется.

– Чудесно.

Медсестра Пэм взяла тонометр с тележки у изножья кровати и застегнула манжету вокруг его левого бицепса.

– Вы нас порядком напугали, мистер Бёрк, – сказала она, накачивая манжету. – Вот так вот взяли и ушли.

И молчала, пока стрелка не опустилась.

– Как я сдал? – поинтересовался он.

– На пять с плюсом. Систолическое сто двадцать два. Диастолическое семьдесят пять. – Она отстегнула липучку манжеты. – Когда вас привезли, вы были в бреду. Вроде как не знали, кто вы такой.

Он сел в кровати. Туман в голове начал рассеиваться. Он в частной больничной палате – вроде бы даже знакомой. Рядом с кроватью окно. Жалюзи закрыты, но свет, пробивающийся сквозь щели, достаточно робок для раннего утра или раннего вечера.

– Где вы меня нашли? – спросил.

– На переднем дворе Мака Скози. Вы потеряли сознание. Вы помните, что там делали? Мак сказал, что выглядели вы довольно возбужденным и запутавшимся.

– Я очнулся вчера у реки. Не знал, ни кто я, ни где нахожусь.

– Вы покинули больницу. Вы помните, как уходили?

– Нет. Я пошел к жилищу Скози, потому что он был единственным Маком в телефонной книге.

– Что-то я не поняла...

– Мак было единственным именем, которое имело для меня хоть какой-то смысл.

– И почему вы так думали?

– Потому что Мак было последним словом, которое я прочел перед тем, как в нас врезался грузовик.

– А, правильно... вашу машину саданул в бок грузовик «Мак».

– Именно.

– Сознание – вещь странная, – заметила медсестра, обогнув край кровати и подходя к окну. – Действу-

ет загадочным образом. Отыскивает диковиннейшие связи.

– Сколько времени прошло с тех пор, как меня снова сюда привезли?

Она подняла жалюзи.

– Около полутора суток.

Свет хлынул в комнату.

За окном действительно стояло утро, солнце только-только отделилось от восточной гряды скал.

– У вас было сильное сотрясение, – сообщила она. – Вы могли там и умереть.

– А я и чувствовал себя так, будто помираю.

Свет раннего утра, заливающий городок, был просто сногшибателен.

– Как ваша память? – осведомилась Пэм.

– Страннее некуда. Все вернулось ко мне, когда я вспомнил аварию. Будто кто-то просто щелкнул выключателем. Как состояние агента Столлингса?

– Кого?

– Человека, ехавшего на переднем пассажирском сиденье автомобиля, когда произошло столкновение.

– А.

– Он не выжил, да?

Медсестра Пэм вернулась к кровати и, протянув руку, положила ладонь ему на запястье.

– Боюсь, что нет.

Он так и предполагал. Не видел подобных травм еще с войны. И все же подтвердившееся подозрение подействовало отрезвляюще.

– Он был вашим близким другом? – поинтересовалась медсестра.

– Нет. Я впервые увидел его утром того же дня.

– Должно быть, просто ужасно. Мне так жаль.

– Каков *мой* урон?

– Простите?

– Какие у меня травмы?

– Доктор Митер сможет просветить вас лучше моего, но вы получили сотрясение мозга; теперь оно купировано. Пара сломанных ребер. Небольшие ссадины и синяки. Учитывая все обстоятельства, все могло кончиться для вас намного-намного хуже.

Отвернувшись, она направилась к двери, начала было ее открывать, но тут задержалась и быстро оглянулась через плечо:

– Итак, мы уверены, что ваша память возвращается?

– Абсолютно.

– Как вас зовут?

– Итан, – ответил он.

– Отлично.

– Можете сделать мне одолжение? – спросил он.

Широкая, киловаттная улыбка.

– Только скажите.

– Мне нужно позвонить ряду людей. Жене. Начальству в Конторе. Кто-нибудь с ними связывался?

– По-моему, кто-то из офиса шерифа звонил вашим экстренным контактам после аварии. Дали им знать, что случилось, сообщили о вашем состоянии.

– У меня в кармане пиджака во время столкновения был айфон. Вы, случаем, не знаете, где он?

– Нет, но я определенно могу надеть свою детективную шляпку Нэнси Дрю⁵ и выяснить это для вас.

– Буду искренне благодарен.

– Там красная кнопка на перилах сбоку. Видите? Итан опустил взгляд на кнопку.

– Я в одном клике от вас.

Просияв еще одной лучезарной улыбкой, медсестра Пэм удалилась.

* * *

В палате не было ни телевизора, ни телефона. Лучшим и единственным развлечением оказались настенные часы, висящие над дверью, и он несколько

---

⁵ Нэнси Дрю – литературный и киноперсонаж, девушка-детектив. Впервые появилась в книге «Тайна старых часов» (1930) (коллективный псевдоним автора Кэролайн Кин). Завоевала популярность во многих странах мира.

ко часов пролежал в постели, следя, как секундная стрелка вершит бесконечное круговращение по своей орбите, пока утро не перешло в полдень, а полдень не покотился по направлению к вечеру.

Наверняка не скажешь, но палата, похоже, на этаже третьем-четвертом. Медсестра Пэм оставила жалюзи открытыми, так что, устав от созерцания часов, Итан осторожно повернулся на здоровый бок, чтобы предаться изучению перипетий Заплутавших Сосен.

С высоты своего наблюдательного пункта он просматривал Главную улицу навывлет, а также несколько кварталов в обе стороны.

Еще до прибытия сюда Итан знал, что городок крохотный и сонный, но его полнейшая бездеятельность изумляла его до сих пор. Прошел час, а он насчитал лишь дюжину человек, неспешно прошагавших по тротуару мимо больницы, и ни единого автомобиля, проследовавшего по самой оживленной транспортной магистрали города. Самый эффективный отвлекающий объект находился в двух кварталах от больницы – бригада строителей, возводящих дом.

Он думал о своих жене и сыне в Сиэтле, уповая, что они уже в пути, чтобы повидаться с ним. Наверное, поймали первый же авиарейс. Должно быть, им пришлось лететь в Бойсе или Мизулу. И арендовать автомобиль для долгой поездки в Заплутавшие Сосны.

Когда он бросил взгляд на часы в следующий раз, было уже без четверти четыре.

Он провалялся в кровати целый день, а доктор Митер, или как его там, даже не потрудился заглянуть. Итан провел в больницах порядком времени, и опыт подсказывал, что медсестры и врачи никогда не оставляют тебя в одиночестве более чем на десять секунд – кто-нибудь вечно приносит какие-нибудь новые лекарства, вечно прощупывают и простукивают.

Здесь же его практически игнорируют.

Медсестра Пэм так и не показалась с его айфоном и прочими вещами. Насколько занят может быть персонал этой больницы посреди нигде?

Взяв в руку пульт управления, подвешенный к перилам, Итан вдавил большим пальцем кнопку ВЫЗОВ МЕДСЕСТРЫ.

Пятнадцать минут спустя дверь его палаты распахнулась, и медсестра Пэм порхнула через порог.

– О, боже мой, я так извиняюсь! Увидела, что вы звонили, только десять секунд назад. По-моему, у нас проблемы с интеркомом. – Остановившись в изножье кровати, она положила ладони на металлическую спинку. – Чем могу вам помочь, Итан?

– Где доктор Митер?

– Связан по рукам и ногам, весь день в экстренной хирургии, – поморщилась она. – Один из этих пятича-

совых кошмаров, – и рассмеялась. – Но я ввела его в курс насчет ваших утренних показателей и фантастического прогресса с вашей памятью, и он считает, что вы справляетесь на отлично-симпатично.

Она показала Итану оба больших пальца.

– Когда я смогу его увидеть?

– Смахивает на то, что теперь он будет делать обход после ужина, который на подходе в ближайшие полчаса.

Итан изо всех сил старался скрыть растущее негодование.

– Вам повезло найти мой телефон и прочие вещи, которые были при мне в момент катастрофы? Сюда относятся мой бумажник и черный атташе-кейс.

Отдав подобие салюта, медсестра Пэм промаршировала вперед на несколько шагов.

– Как раз работаю над этим, капитан!

– Просто принесите мне стационарный телефон, сейчас же. Мне надо сделать ряд звонков.

– Конечно, маршал⁶.

– Маршал?

– Вы ведь кто-то вроде маршала США или типа то-

---

⁶ Вовсе не ироническое употребление высшего воинского звания. Как становится ясно из нижеследующего, медсестра приняла Итана за представителя Службы федеральных маршалов, подразделения Министерства юстиции США.

го?

– Нет, я специальный агент Секретной службы Соединенных Штатов.

– Правда?

– Правда.

– Я-то думала, что вы, парни, занимаетесь защитой президента.

– Мы занимаемся и еще кое-какими вещами.

– Так что же вы делаете в нашем райском уголке?

Итан одарил ее холодной тонкой усмешкой.

– Это я обсуждать не могу.

Вообще-то может, но не чувствует расположения.

– Ну, теперь вы меня совсем заинтриговали.

– Телефон, Пэм.

– Простите?

– Мне в самом деле нужен телефон.

– Уже пошла.

* * *

Когда же наконец доставили ужин – порции зелено-го и бурого месива, разложенного по отсекам блестящего металлического подноса, – а телефон все еще не принесли, Итан решил уйти.

Разумеется, один раз он уже сорвался, но был тогда не в своем уме, страдая от сильной контузии.

Теперь же он мыслил вполне ясно.

Головная боль прошла, дыхание давалось с меньшим трудом и болью, а если врачу и вправду небезразлично его состояние, уж, наверное, этот говнюк как-нибудь пожаловал бы его визитом за последние десять часов.

Итан дождался, пока медсестра Пэм удалится, одарив прощальным заверением, что больничная пища «на вкус куда лучше, чем на вид».

Как только дверь закрылась, Итан выдернул из запястья иглу для внутривенных вливаний и перебрался через перила кровати. Босыми ступнями ощутил холод покрытого линолеумом пола. До пристойного самочувствия не дотягивало лишь самую малость, но целые световые годы – до его состояния сорок восемь часов назад.

Он прошлепал босиком к одежному шкафу и потянул дверцу.

Его рубашка, пиджак и брюки висели на плечиках, туфли стояли на полу под ними.

Ни носков.

Ни трусов.

Пожалуй, придется голышом.

Боль накатила, лишь когда он наклонился, чтобы натянуть брюки, – острый укол высоко в левом боку, прошедший, как только он снова распрямился.

Ему на глаза попались собственные босые ноги и, как всегда, вид сплетающихся рубцов вышиб его из текущего момента на восемь лет назад, в комнату с бурыми стенами, где стоял смрад смерти, так его и не покинувший.

Проверив, Итан обнаружил, что перочинный ножик по-прежнему в кармане пиджака. Хорошо. Это реликвия тех времен, когда ему едва перевалило за двадцать и он работал вертолетным механиком, – скорее талисман, чем функциональный инструмент, но мысль, что он на месте, доставила некоторое утешение.

Он стоял перед зеркалом в ванной, возясь с галстуком. Справился лишь с пятой попытки. Пальцы не слушались, промахивались, словно не завязывали галстуков много лет.

Когда же наконец удалось сладить посредственный виндзорский узел, сделал шаг назад, чтобы окинуть себя оценивающим взглядом.

Синяки на лице выглядят капельку лучше, но на пиджаке остались пятна от травы и земли, а левый карман оказался чуть надорван. Белая оксфордская рубашка под ним тоже запятнана – у воротника виднеются следы крови.

За последние пару дней Итан потерял несколько дюймов в талии, так что ремень пришлось затянуть

до последней дырочки, и все равно брюки болтались.

Открыв кран, смочил ладони и причесал волосы пятерней.

Ну, вроде ничего. Попытался более-менее привести себя в порядок.

Пополоскал рот тепловатой водой, но зубы все равно казались замшевыми.

Понюхал собственные подмышки – *вонь*.

И побриться надо бы. Таким одичавшим он не выглядел уже много лет.

Сунул ноги в туфли, зашнуровал их и направился из ванной к двери.

Инстинкты действительно призывали уйти незаметно, и это его озадачило. Он федеральный агент, наделенный полнотой власти правительства Соединенных Штатов. А значит, люди должны выполнять, что он велит. Даже медсестры и врачи. Не хотят, чтобы он уходил? Пусть обломаются. И все же он отчасти внутренне сопротивлялся эскалации инцидента. Сам понимал, что это глупо, но не хотел попадаться на глаза медсестре Пэм.

Повернув дверную ручку, приоткрыл дверь на дюйм от притолоки.

И увидел лишь пустой коридор.

Насторожил уши.

Никакой отдаленной болтовни медсестер.

Никаких шагов.

Только вопиющая тишина.

Высунул голову.

Быстрый взгляд налево и направо подтвердил его подозрения. В данный момент тут ни души, пустует даже пост медсестры в пятидесяти футах дальше по коридору.

Ступив из палаты на клетчатый линолеум коридора, тихонько прикрыл за собой дверь.

Здесь слышался лишь один звук, доносившийся от люминесцентных ламп над головой, – негромкое, ровное гудение.

Внезапно сообразив, как следовало поступить первым делом, он наклонился через боль в ребрах, чтобы расшнуровать туфли.

И босиком двинулся по коридору.

Все двери до единой в этом крыле были закрыты, через щелки под дверьми не просачивалось ни лучика света, словно все палаты пустовали.

Покинутый пост медсестры расположился на средоточии четырех коридоров, три из которых вели в другие крылья с палатами пациентов.

Коридорчик покороче по ту сторону поста вел к двустворчатой двери с табличкой наверху, гласившей: ОПЕРАЦИОННАЯ.

Остановившись у лифта прямо напротив поста,

Итан нажал на кнопку со стрелкой вниз.

И сквозь двери услышал, как шкивы подъемника пришли в движение.

– Ну же!

Ждал целые годы.

Спохватившись, что надо было просто пойти по лестнице.

То и дело оглядываясь через плечо, ловил слухом приближающиеся шаги, но не мог расслышать ни звука за шумом поднимающейся кабины лифта.

Наконец двери разъехались со скрежетом, от которого аж зубы заныли, и Итан отступил в сторонку – на случай, если кто-то ехал наверх.

Никто из лифта не вышел.

Юркнув внутрь, он нажал на кнопку цокольного этажа.

Изучая подсвеченные цифры над дверью, увидел, как лифт начал неторопливое нисхождение с цифры 4, и прошла добрая минута – довольно времени, чтобы Итан успел снова обуться, – прежде чем осветилась буква G и двери начали со скрежетом разъезжаться.

Протиснувшись сквозь них, он вышел на очередное средоточие коридоров.

Недалеке бубнили голоса.

Звук едущей каталки со скрипучим колесиком.

Двинувшись в противоположном направлении, Итан проследовал тремя длинными коридорами и уже начал подозревать, что заблудился, когда наконец углядел знак Выход.

Поспешил вниз по половине лестничного пролета, пробился сквозь дверь внизу и, запнувшись, вышел на улицу.

Стоял ранний вечер, ясное небо угасало, солнце закатилось, и свет зари окрасил горы розово-оранжевыми красками. Итан обнаружил, что стоит на короткой дорожке, протянувшейся от больницы – четырехэтажного здания из красного кирпича, больше смахивающего на школу или психиатрическую лечебницу.

Набрал в грудь кислорода сколько мог, не спровоцировав боли, ощутив, как чудесно дышать этим прохладным воздухом, напоенным ароматом сосен, после больничного антисептического амбре.

Добравшись до тротуара, двинулся по Главной улице к зданиям центра.

Народу вокруг было побольше, чем днем.

Он миновал ресторанчик в небольшом доме с патио сбоку. Люди обедали на улице, под сенью тополей, увитых гирляндами крохотных белых лампочек.

От аромата стряпни в желудке заурчало.

На углу Главной и Пятой Итан перешел улицу и вернулся к телефонной будке, где потерял сознание два

дня назад.

Войдя в нее, он листал телефонный справочник, пока не отыскал адрес офиса шерифа Заплутавших Сосен.

* * *

Чувствуя себя лучше, чем прежде, Итан зашагал к восточной окраине городка, когда уже начало смеркаться и температура понизилась.

Проследовал мимо барбекю в полном разгаре.

Ветерок с запахом древесного угля.

Добрый кислый аромат пива, доносящийся от пластиковых стаканов.

Звук детского смеха, эхом раскатывающийся по долине.

Звук спринклера неподалеку, будто стрекочущий звон цикады.

Куда ни погляди, просто картинка.

Будто Платонов идеальный город. Здесь вряд ли живет более четырех-пяти сотен человек, и Итан вдруг задумался, что же их сюда привело. Сколько из них, открыв Заплутавшие Сосны по чистой случайности, влюбились и остались? Сколько родились здесь и не покинули город?

Хоть он сам и житель мегаполиса до мозга костей,

но вполне способен понять тех, кто не желает покидать подобное местечко. К чему бросать то, что представляется полнейшим и абсолютнейшим идеалом? Квинтэссенция Америки в окружении поразительнейших природных красот, когда-либо попадавшихся ему на глаза. Он видел фотографии Заплутавших Сосен вечером накануне вылета из Сиэтла, но ни одна из них даже близко не подошла к тому, чтобы воздать этой долине по заслугам.

И все-таки *он* здесь.

И в свете этого факта, а вернее, *из-за* него это место неидеально.

Опыт Итана подсказывал, что тьма скапливается везде, где собираются люди.

Уж так устроен мир.

Безупречность поверхностна. Этакий эпидермис. Прорежь на парочку слоев вглубь – и узришь некие темные тени.

Прорежь до кости – угольную черноту.

Шагая, он не мог отвести глаз от гор. Восточная стена, должно быть, возносится на три или четыре тысячи футов. Ближе к вершине – сплошь камни и лед.

Последние горизонтальные лучи солнечного света били в скалы у него за спиной, и Итан обернулся, выкроив минутку, чтобы полюбоваться, как заря угасает.

Как только свет померк, скалы моментально обрели

цвет вороненой стали.

И природа изменилась.

Она была по-прежнему прекрасна.

Но более чужда.

Безразлична.

* * *

Вывеска над стеклянными двустворчатыми дверями:

ОФИС ШЕРИФА ЗАПЛУТАВШИХ СОСЕН

Шагая к парадному входу по дорожке, обсаженной молодыми сосенками, он вдруг ощутил новый прилив чувства безнадежности.

Через стекло увидел, что в вестибюле темно и пусто.

И все-таки схватился за ручку двери и крепко дернул.

Заперто.

Разумеется, час неурочный, но *черт побери*.

Попятившись от входа, Итан поглядел вдоль фасада одноэтажного здания. В дальнем конце что-то вроде лучика света, пробивающегося сквозь жалюзи за окном.

Снова подойдя, постучал костяшками по одной из

створок стеклянной двери.

Ничего.

Забарабанил с умноженной силой, молотя так, что двери затряслись на петлях.

Прошло пять минут, но никто так и не появился.

* * *

Когда он добрался до Главной улицы, выглянули уже две звезды и планета, и прохлада, такая комфортная пятнадцать минут назад, сменилась неприятным холодом, забирающим под его тонкую оксфордскую рубашку, а ноги без носков начали зябнуть.

Что хуже, первые признаки настоящего голода дали о себе знать сосущей болью под ложечкой и вертиго по ту сторону глаз.

Пройдя несколько кварталов до отеля «Заплутавшие Сосны», он вскарабкался по каменным ступеням ко входу.

Сквозь застекленную дверь увидел огни внутри и молодую женщину за конторкой.

Вошел в вестибюль, ощутив благословенное дыхание тепла.

Угол напротив массивного очага, где как раз сейчас трещал огонь, занимал рояль.

Остановившись на минутку, Итан поднес ладони

к пышущему жару. Кипящая сосновая смола испускала сладковатый свечной аромат. Он почувствовал, что готов просто вытянуться на диване и проспать несколько суток напролет.

Но, постояв минутку, заставил себя потащиться дальше, к конторке портье.

Женщина улыбнулась приближающемуся Итану.

На глазок ей лет двадцать пять. Симпатичная, хоть малость полновата, черные волосы стянуты в короткий конский хвостик. Одета в белое форменное платье под черной жилеткой с бейджиком, идентифицирующим ее как «Лизу».

Подобравшись к конторке бочком, Итан положил локти на высокую стойку, чтобы удержать равновесие.

– Добрый вечер, – сказала Лиза. – Добро пожаловать в отель «Заплутавшие Сосны». Чем могу служить?

С ее приветствием что-то было не так. Не со словами, а с подачей. Она словно мучительно вспоминала реплики, произносить которые приходится крайне редко.

– У вас есть сегодня свободные номера?

– Разумеется.

Лиза застучала по клавишам.

– Только на сегодня? – осведомилась она.

– Да. Во всяком случае, пока.

Итан бросил взгляд на монитор компьютера – архаичное чудовище. Словно прямиком из восьмидесятых. Он даже не мог припомнить, когда в последний раз видел такого динозавра.

– Мне номер для некурящих, без животных, на втором этаже с королевской кроватью.

– Замечательно. – Она закончила печатать. – Хотите оплатить по кредитной карте?

– Интересный вопрос, – усмехнулся Итан.

– Правда? Как это?

– Несколько дней назад я попал в автокатастрофу. В борт моей машины врезался грузовик. Вообще-то всего в квартале отсюда. Может, вы видели?

– Нет, наверняка не видела.

– Ну, меня только что выписали из больницы, и штука в том... Я не смог отыскать свой бумажник. Фактически говоря, вообще никаких личных вещей.

– О, мне так жаль это слышать.

Ему показалось, что Лизина улыбка утратила чуточку своего первоначального энтузиазма.

– Так как же именно вы тогда собираетесь платить, мистер?..

– Бёрк. Итан Бёрк. Видите ли, именно это я и пытаюсь до вас донести. Я не смогу заплатить за номер, пока завтра не получу бумажник обратно. Меня проинформировали, что мои вещи сейчас в распоряже-

нии шерифа. Не знаю толком, почему, но... – Он развел руками. – Уж так оно есть.

– Гмм. Послушайте, вообще-то мне не разрешается селить постояльцев без аванса наличными или хотя бы номера кредитной карты. Такова политика отеля. В случае – и конечно, я вовсе не говорю, что такое непременно случится, – но в случае, если номеру будет причинен какой-нибудь ущерб или расходы, связанные с...

– Понимаю. Я прекрасно осведомлен о назначении задатка. Я просто пытаюсь сказать вам, что смогу расплатиться с вами завтра утром.

– У вас хотя бы водительские права есть?

– Всё в моем бумажнике.

Лиза прикусила нижнюю губу, и Итан понял, что назревает – милая барышня накручивает себя на роль мерзкого хулигана.

– Сэр... мистер Бёрк... боюсь, без кредитной карты, наличных или документов я не смогу предоставить вам сегодня номер. Я бы с радостью. Правда. Но уж такова политика отеля, и...

Она осеклась, увидев, что Итан перегнулся через стойку.

– Лиза, а знаете, почему я в черном костюме?

– Нет.

– Я специальный агент Секретной службы Соеди-

ненных Штатов.

– Вы имеете в виду этих парней, что охраняют президента?

– Это лишь одна из наших обязанностей. Наша первостепенная миссия – оберегать целостность нашей национальной финансовой инфраструктуры.

– Так вы, типа, занимаетесь в Заплутавших Соснах расследованием?

– Да. Я только-только прибыл в город, когда произошел несчастный случай.

– Какого рода расследование?

– Никаких подробностей я обсуждать не могу.

– А вы не водите меня за нос, а?

– Будь это так, я совершил бы федеральное преступление.

– Вы вправду специальный агент?

– Да. А еще я устал и прошу вас дать мне только один шанс. Мне нужен номер для ночлега. Я вам обещаю – и слово свое я держу.

– И заплатите завтра? Первым делом?

– Первым делом.

* * *

С ключом в руке он потащился вверх по лестнице на второй этаж, выведшей его в длинный тихий кори-

дор. Светильники а-ля каретные фонари, развешанные по стенам через каждые двадцать футов, отбрасывали слабый желтый свет на персидские ковры.

Его комната – номер 226 – находилась в дальнем конце.

Отперев дверь, он ступил внутрь и щелкнул выключателем.

Декор с уклоном в фольклорный конец спектра.

Две скверно намалеванные культовые сцены Дикого Запада.

Ковбой на брыкающемся мустанге.

Группа батраков-скотоводов, сгрудившихся вокруг костра.

Сама комната была душной и без телевизора.

Только ветхозаветный черный телефон с дисковым номеронабирателем на одном из прикроватных столиков.

Сама кровать выглядела мягкой и грандиозной. Опустившись на матрас, Итан расшнуровал туфли. От ходьбы без носков на пятках уже вздулись несколько волдырей. Снял пиджак, галстук и расстегнул верхние три пуговицы своей оксфордской рубашки.

В ящике прикроватного столика лежал телефонный справочник. Вытащив книжку, Итан положил ее на кровать и взял античный телефон.

Гудок.

Слава богу.

Как ни странно, домашний номер в памяти не всплыл. Пришлось потратить добрую минуту, пытаюсь представить, какие цифры появлялись, когда он делал его быстрый набор на своем айфоне. Только позавчера он был тут как тут, но... «Два... ноль... шесть». Итан знал, что номер начинается с этих трех цифр – региональный код Сиэтла, – и пять раз накрутил их на диске телефона, но пять раз после шестерки наткнулся на зияющую пустоту.

Набрал 411.

После двух гудков оператор ответила:

– Город и абонент?

– Сиэтл, штат Вашингтон. Итан Бёрк. Б-Е-Р-К.

– Минуточку, пожалуйста. – В трубке послышалось клацанье клавиш. Последовала долгая пауза. Затем:
– Б-Е-Р-К?

– Правильно.

– Сэр, абонент под этим именем у меня не значится.

– Вы уверены?

– Да.

Это определенно странно, но учитывая характер его работы, его номер, вероятно, в списки не внесли. А если вдуматься, он в этом почти уверен. Почти.

– Ладно, спасибо.

Отставив телефон, Итан открыл телефонную книгу и нашел номер офиса шерифа.

После пятого звонка номер переключился на автоответчик.

Дождавшись гудка, Итан сказал:

– Это специальный агент Итан Бёрк из Секретной службы Соединенных Штатов, отделение в Сиэтле. Как вам известно, я попал в дорожно-транспортное происшествие на Главной улице несколько дней назад. Мне необходимо переговорить с вами при первой же возможности. В больнице меня уведомили, что все мои вещи, включая бумажник, телефон, портфель и личное оружие, находятся в вашем распоряжении. Я зайду утром первым делом, чтобы забрать их. Если кто-либо получит это сообщение до того, будьте любезны позвонить мне в отель «Заплутавшие Сосны». Я остановился в номере двести двадцать шесть.

* * *

Уже совсем смерклось, когда Итан спустился по ступеням крыльца отеля, преодолевая жуткую боль в стертых ступнях, голодный, как черт.

Кафе рядом с отелем было закрыто, так что он направился на север под небом, изобилующим звездами, мимо букинистического магазина, пары сувенир-

ных лавок и адвокатской конторы.

Было не так уж поздно, но все заведения уже закрылись на ночь, и тротуары Главной опустели. Итан уже готов был примириться с ужасающей мыслью сверх всего еще и остаться без обеда, когда заметил свет, падающий на тротуар в следующем квартале. Шаг его невольно участился, едва он почуял ароматы горячей пищи, вырывающиеся через решетку вентилятора здания прямо по курсу.

Добравшись до входа, он заглянул сквозь витрину в тускло освещенный паб под названием «Биргартен»⁷.

Сердце подпрыгнуло – еще открыто.

Он вошел внутрь.

Три столика заняты, но в остальном заведение будто вымерло.

Итан уселся на угловой табурет у стойки.

Из-за пары барных дверей доносилось шипение мяса, жарящегося на открытом гриле.

Сидя в этом пабе, сложив руки на истертой стойке, он впервые за несколько дней ощутил умиротворение. Воспоминания о Столлингсе и катастрофе были где-то рядом, грозя прорваться наружу, но он не позволил им возобладать над рассудком. Просто вдыхал

---

⁷ Biergarten (нем.) – букв. «пивной садик». Площадки под открытым небом, где подают пиво и блюда местной кухни. Наиболее распространены в Южной Германии, в первую очередь в Баварии.

и выдыхал, стараясь укорениться в текущем моменте как можно прочнее.

Через пять минут высокая женщина с копной каштановых волос, заколотых палочками для еды, протолкнулась сквозь барные двери и откинула часть стойки, закрепленную на петлях.

Она тут же направилась к Итану, лучась улыбкой и шлепнув перед ним подставку под кружку.

– Чё пить будете?

На ней была черная футболка с отпечатанным спереди названием паба.

– Хорошо бы пива.

Схватив пинтовый стакан, барменша подошла к кранам.

– Чё-нить светлое? Темное?

– У вас есть «Гиннес»?

– Есть что-то типа того.

Она уже потянула за кран, когда Итан вдруг вспомнил, что в карманах ветер свищет.

Она поставила перед ним стакан с переливающейся через края кремовой пеной и спросила:

– Просто пьете или хотите глянуть меню?

– Поем наверняка, – ответил он, – но вы меня убьете.

– Пока нет, – улыбнулась женщина. – Я с вами едва знакома.

– У меня нет денег.

Ее улыбка угасла.

– Лады, может, тогда растолкуете?

– Я могу объяснить. Вы видели автомобильную аварию, случившуюся на Главной пару дней назад?

– Нет.

– Слышали о ней?

– Нет.

– В общем, была авария, всего в паре кварталов к югу отсюда, и я в нее попал. Правду сказать, только что вышел из больницы.

– Так это там вы схлопотали эти прелестные фингалы?

– Верно.

– Я все пытаюсь сообразить, как это связано с тем, что вы мне не платите.

– Я федеральный агент.

– Тот же вопрос.

– Очевидно, мой бумажник и телефон у шерифа. Вообще-то всё. Это громадная головная боль.

– Так вы типа из ФБР или вроде?

– Секретная служба.

Улыбнувшись, женщина склонилась к нему через стойку. В полумраке было трудновато разобрать, но вблизи она оказалась чертовски хороша собой – на пару-тройку лет моложе Итана, со скулами фотомо-

дели, коротким торсом и длинными ногами. Наверно, разила наповал, когда ей было лет двадцать, хотя и тридцать четыре или тридцать пять – сколько ей там сейчас – обошлись с ней не слишком сурово.

– Не знаю, может, вы и мошенник и играете на том, что заявили сюда в своем черном костюме и этом безумном...

– Я не лгу...

Она прижала палец к его губам.

– Я так думаю, вы или в точности тот, за кого себя выдаете, или замечательный лгун. В смысле, история хорошая, а я люблю хорошие истории. Так или эдак, конечно, я позволю вам пообедать в кредит.

– Это не ложь... как вас зовут?

– Беверли.

– А меня – Итан.

Она потрянула ему руку:

– Рада познакомиться, Итан.

– Беверли, как только я получу свой бумажник и вещи завтра утром, я собираюсь прийти сюда...

– Дайте-ка угадаю... и отвалите мне аграмадные чаевые.

– Вот теперь вы надо мной издеваетесь, – потрянул головой Итан.

– Извините.

– Если не верите мне, я...

– Я только что вас встретила, – перебила она. – Ко времени, когда вы покончите с обедом, я буду знать, увижу ли вас тут снова или нет.

– Слишком рано судить, а? – Он улыбнулся, чувствуя, что все же может склонить ее на свою сторону.

Она принесла меню, и Итан заказал жареную картошку по-деревенски и чизбургер – настолько сырой, насколько минздрав позволит.

Беверли скрылась на кухне с заказом, а он отхлебнул пива.

Гмм. Что-то тут не то. Совершенно выдохшееся, и кроме легкого намека на горечь в послевкусии, практически вода водой.

Он поставил стакан на стойку как раз к возвращению Беверли.

– Обед достается мне на дармовщинку, так что я не решаюсь жаловаться, – произнес он, – но что-то с этим пивом не так.

– Правда? – Она указала на стакан. – Не против?

– Валяйте.

Взяв стакан, Беверли отхлебнула и поставила стакан обратно, облизывая пену с верхней губы.

– По мне, так вкус отличный.

– Правда?

– Ага.

– Нет, оно выдохшееся и... не знаю... просто... у

него никакого вкуса.

– Странно. Что-то я ничего такого не заметила. Хотите попробовать другой сорт?

– Нет, пожалуй, все равно не буду пить. Возьму просто воды.

Она принесла ему новый стакан, плеснув на лед воды.

* * *

Он поднял исходящий паром горячий чизбургер с тарелки обеими руками.

Беверли вытирала другой конец стойки, когда Итан подозвал ее, держа бургер наизготовку у рта.

– Что-то не так? – осведомилась она.

– Ничего. Пока. Идите сюда.

Она подошла, остановившись перед ним.

– Мой опыт подсказывает, – пояснил Итан, – что примерно в восьмидесяти процентах случаев, когда я заказываю мясо с кровью, как только что, то получаю хорошо прожаренное. Уж и не знаю, почему большинство поваров не способны поджарить его правильно, но так уж водится. И знаете, что я делаю, когда мне дают пережаренное?

– Вы отправляете его обратно? – Ее это отнюдь не позабавило.

– Именно.

– Вам чертовски невероятно трудно угодить, знаете?

– Я в курсе.

Итан запустил зубы в чизбургер и жевал добрых десять секунд.

– Ну? – не выдержала Беверли.

Положив чизбургер на тарелку, Итан проглотил, вытирая руки льняной салфеткой, и указал на еду:

– Изумительная работа.

Беверли рассмеялась, закатив глаза.

* * *

К моменту, когда Итан подчистил с тарелки всё до крошки, он остался единственным посетителем ресторана.

Унеся его тарелку, барменша вернулась подлить ему воды.

– Как вы сегодня, Итан? Есть где переночевать?

– Ага, я обаял портье в отеле, и она дала мне номер.

– Тоже купилась на вашу туповую байку, а? – ухмыльнулась Беверли.

– Со всеми потрохами.

– Что ж, раз уж это за мой счет, можно предложить

вам десерт? Наша «Шоколадная смерть» – просто улет.

– Спасибо, но мне, пожалуй, уже пора.

– А что именно вы тут делаете? В смысле, в официальном качестве. Я пойму, если вам нельзя об этом распространяться...

– Расследование дела о пропавших без вести.

– И кто же пропал?

– Два агента Секретной службы.

– Они пропали здесь? В Заплутавших Соснах?

– Около месяца назад агент Билл Эванс и агент Кейт Хьюсон прибыли сюда с секретным расследованием. На сегодняшний вечер от них нет вестей уже десять суток. Полная потеря контакта. Ни электронных писем. Ни телефонных звонков. Умолк даже GPS-трекер их служебного автомобиля.

– И вас отправили их найти?

– Я работал с Кейт. Мы были напарниками, когда она жила в Сиэтле.

– И это всё? – подкинула Беверли.

– Простите?

– *Только* напарниками?

Итан ощутил, как в груди что-то тренькнуло – печаль, горечь утраты, гнев, – прошив его дрожью.

Но он ловко это скрыл.

– Ага, только напарниками. Впрочем, еще и друзья-

ми. Как бы то ни было, я здесь, чтобы нащупать их след. Выяснить, что произошло. Вернуть их по домам.

– Думаете, случилось что-то дурное?

Он не ответил, просто глядел на нее, но это и было ответом.

– Что ж, надеюсь, вы найдете то, что ищете, Итан. – Вытащив из переднего кармана фартука чек, Беверли подвинула его через стойку.

– Значит, таков мой урон, а?

Итан бросил взгляд на чек. Это оказался вовсе не счет. Беверли от руки написала через все столбцы адрес:

604, 1-я ав.

– Что это? – спросил Итан.

– Это где я живу. Если что понадобится, если попадете в беду, что бы то ни было...

– Что? Теперь вы обо мне беспокоитесь?

– Нет, но без денег, без телефона, без документов вы в уязвимом положении.

– Значит, теперь вы мне верите?

Потянувшись через стойку, Беверли лишь на секунду положила ладонь ему на руку:

– Я всегда вам верила.

Выйдя из паба, он снял туфли и пошел по тротуару босиком. Бетон охлаждал ступни, но зато ходьба давалась без боли.

Вместо того чтобы пойти обратно в отель, он свернул в одну из улиц, пересекающихся с Главной, и направился побродить по окрестностям.

Думая о Кейт.

Викторианские дома выстроились по обе стороны квартала, выгодно подчеркнутые сиянием фонарей на верандах.

Безмолвие просто-таки ошеломляло.

В Сиэтле подобных ночей не бывает. Всегда слышится отдаленное улюлюканье какой-нибудь «Скорой», клаксон автомобиля или перестук дождевых капель по улицам.

Здесь же полнейшая, мертвая тишина, нарушаемая лишь негромкими шлепками его ног по мостовой...

Минутку.

Нет, есть и другой звук – одинокий сверчок, стрекочущий в кусте впереди.

Это мысленно вернуло его в детство, проведенное в Теннесси, к тем вечерам в середине октября, когда

он сидел на затянутой сеткой веранде с отцом, покуривающим трубку, глядя на соевые поля, а хор сверчков мало-помалу терял исполнителей, пока не остался лишь одинокий солист.

Не писал ли именно об этом поэт Карл Сэндберг? Итан не мог припомнить это стихотворение наизусть, знал только, что там что-то насчет голоса последнего сверчка вопреки морозу.

Лучинка пенья⁸.

Вот оно – именно эта фраза ему понравилась.

Лучинка пенья.

Он остановился у куста, почти готовый к тому, что стрекот внезапно оборвется, но тот продолжался в таком ровном ритме, что казался чуть ли не механическим. Итан где-то слышал, что сверчки издают этот звук, потирая крылышками друг о друга.

Поглядел на куст.

Какая-то разновидность можжевельника.

Сильный, свежий запах.

Уличный фонарь по соседству проливал на ветви довольно света, и Итан наклонился в надежде разглядеть сверчка.

Стрекот продолжался как ни в чем не бывало.

---

⁸ Речь идет о стихотворении Карла Сэндберга «Splinter» («Лучинка»): Сверчка последнего голоса первым морозом врозь – Такое уж это прощанье, Тончайшая пенья лучинка. (Пер. А. Филонова)

– Где ты, малыш?

Он вытянул шею.

И с прищуром взгляделся во что-то, едва проглядывающее среди ветвей. Вот только не сверчок. Какая-то коробочка, размером примерно с его айфон.

Просунул руку между веток и коснулся поверхности находки.

Стрекот стал тише.

Убрал руку.

Громче.

В чем тут смысл, черт возьми?

Стрекот сверчка раздается из динамика.

* * *

Уже около десяти тридцати он отпер свой номер в отеле и ступил внутрь. Сбросил туфли, разделся донага и плюхнулся на кровать, даже не потрудившись включить свет.

Перед уходом в поисках обеда он чуть приоткрыл одно из окон, и теперь ощутил грудью тонкий, холодный сквознячок, прогоняющий скопившиеся за день духоту и жару.

Через минуту он замерз. Сел, откинул одеяла и простыню и заполз в постель.

* * *

Он сражался за жизнь, проигрывая; навалившаяся бестия неистовствовала, пытаясь вырвать ему горло, и единственное, что удерживало Итана от гибели, была его сокрушительная хватка вокруг глотки чудовища – крепче, крепче, – но тварь воплощала собой чистую, brutальную мощь. Ощущая твердые, перекачивающиеся мышцы, он впивался пальцами в млечно-белую, полупрозрачную кожу. Но не мог удержать – трицепсы свело судорогой, руки начали подламываться, и пасть, зубы все близились...

* * *

Итан подскочил с постели, обливаясь потом, хватая воздух ртом. Сердце так зачастило, что словно и не билось, а непрерывно вибрировало в его груди.

Он даже не представлял, где находился, пока не увидел полотно с ковбоями и костром.

Будильник на прикроватном столике показывал 3.17.

Включил свет, уставился на телефон.

Два... ноль... шесть...

Два... ноль... шесть...

Как мог он позабыть номер собственного домашнего телефона? Или хотя бы мобильного Терезы? Как такое возможно?

Спустив ноги с кровати, он встал и подошел к окну.

Раздвинув жалюзи, сквозь щелку поглядел на тихую улицу внизу.

Темные здания.

Пустые тротуары.

Подумалось: *завтра все пойдет на лад.*

Он получит обратно свой телефон, свой бумажник, свой пистолет, свой кейс. Позвонит жене, сыну. Позвонит в Сиэтл и поговорит с ответственным оперативным сотрудником Хасслером. Вернется к расследованию, которое и привело его сюда в первую голову.

Глава 03

Он проснулся от головной боли и солнца, бьющего в комнату через зазор жалюзи.

Перекатился на бок, уставился на будильник.

– Блин!

12.21.

Проспал за полдень.

Итан выполз из кровати, и, уже потянувшись к брюкам, комом валявшимся на полу, услышал стук в дверь. Нет, не так – кто-то уже давно стучался к нему в дверь, а он впервые осознал только сейчас, что отдаленный стук не ограничивается лишь пределами его головы.

– Мистер Бёрк! Мистер Бёрк! – кричала сквозь дверь портье Лиза.

– Секундочку! – крикнул он в ответ. Натянул брюки и доковылял до двери. Отпер замок, снял цепочку, распахнул дверь.

– Да?

– Выписка в одиннадцать.

– Извините, я...

– Что случилось с «первым делом»?

– Я и не знал...

– Вам уже удалось вернуть свой бумажник?

– Нет, я только-только проснулся. Уже и в самом деле первый час?

Не ответив, она лишь опалила его взглядом.

– Я иду в офис шерифа прямо сейчас, – проговорил Итан, – и как только получу...

– Мне нужно забрать у вас ключ, и нужно, чтобы вы освободили номер.

– Чтобы я что?

– Освободили номер. Убирайтесь. Я не люблю, когда мне втирают очки, мистер Бёрк.

– Никто не втирает вам очки.

– Я жду.

Итан пристально взгляделся в ее лицо, ища чего-нибудь – мягкости, трещинки в ее решимости, – но не нашел и капли сострадания.

– Только дайте мне одеться. – Он хотел было закрыть дверь, но она подставила ногу.

– А, хотите понаблюдать за мной? Правда? – Он попытался в комнату. – Отлично. Наслаждайтесь представлением.

Чем она и не преминула воспользоваться. Стоя в дверях, смотрела, как он шнурует туфли на своих босых ногах, застегивает свою запятанную белую рубашку и две мучительные минуты сражается с галстуком.

Наконец сунув руки в рукава своего черного пиджа-

ка, он схватил ключ от номера с прикроватного столика и уронил его в подставленную ладонь по пути к выходу.

Бросив: «Вы об этом ужасно пожалеете через два часа», – Итан направился по коридору к лестнице.

* * *

В аптеке на углу Главной и Шестой Итан схватил с полки пузырек аспирина и понес его к кассе.

– Я не могу за это заплатить, – поведал он, поставив его на прилавок. – Но обещаю, что вернусь сюда с бумажником через тридцать минут. Это долгая история, но у меня адская головная боль, и надо принять что-нибудь сейчас же.

Провизор в белом халате был занят отпуском лекарства по рецепту – отсчитывал таблетки на пластиковом подносе. Опустив подбородок, он поглядел на Итана поверх своих прямоугольных очков в металлической оправе.

– Чего именно вы от меня хотите?

Провизор – лысеющий мужчина по депрессивную сторону от сорока. Бледный. Худой. С большими карими глазами, кажущимися еще больше сквозь толстые, как зеркальное стекло, линзы очков.

– Помощи. Я... мне вправду очень больно.

– Так ступайте в больницу. У меня аптека, а не ссудно-кредитная касса.

На долю секунды Итана оглушило, в глазах удвоилось, и он почувствовал, что эта ужасная пульсация снова начинает гвоздить его по основанию черепа, с каждым импульсом посылая по хребту волну парализующей боли.

Он не помнил, как вышел из аптеки.

Снова придя в чувство, осознал, что ковыляет по тротуару Главной, чувствуя себя хуже с каждой минутой, гадая, не следует ли вернуться в больницу. Но этого ему хотелось в распоследнюю очередь. Ему просто нужен какой-нибудь треклятый «Адвил», что-нибудь, чтобы утихомирить боль, чтобы он снова мог функционировать.

На следующем пешеходном переходе Итан остановился. Попытался сориентироваться в направлении, необходимом, чтобы попасть в офис шерифа, когда вдруг вспомнил. Сунув руку во внутренний карман пиджака, вытащил полоску бумаги и развернул ее:

604, 1-я ав.

Он застыл в нерешительности. Как быть? Постучать в дверь совершенно чужого человека и попросить лекарство? С другой стороны, идти в больницу не хочется, а показываться в офисе шерифа в корчах умопомрачительной головной боли никак нельзя. Он

собрался надрать кому-нибудь задницу, а это обычно проходит лучше, когда тебя не одолевает желание забиться в темный угол и скорчиться калачиком.

Как там ее зовут?

А, верно – Беверли.

Наверное, заведение вчера закрывала она, откуда следует, что велики шансы застать ее сейчас дома. Черт, да она же сама предложила. Прежде чем наведаться к шерифу, можно заскочить, позаимствовать парочку таблеток и взять эту головную боль под контроль.

Перейдя улицу, он оставался на Главной, пока не дошел до Девятой, а затем обогнул квартал и направился на восток.

Улицы пересекают Главную.

Авеню идут параллельно.

Он прикинул, что идти придется кварталов семь.

После третьего почувствовал, что стер ноги до крови, но не остановился. Хоть и боль, зато отвлекающая от буханья в голове.

Целый квартал между Пятой и Шестой авеню занимала школа, и Итану пришлось ковылять вдоль ограды из рабицы вокруг игровой площадки.

У класса восьми– или девятилетних был большой перерыв, и они были заняты замысловатой игрой в салочки; девочка с белокурыми косичками гонялась

за всеми, кто попадался на глаза, и между кирпичными зданиями эхом перекатывался целый хор визгов.

Итан понаблюдал за их игрой, пытаясь не думать о крови, начавшей скапливаться в туфлях холодом между пальцев.

Вдруг белокурые косички остановилась посреди группы мальчиков, воззрившись на Итана.

Еще минутку остальные дети продолжали бегать и смеяться, но мало-помалу остановились и они – сначала заметив, что водящая больше не гоняется за ними, а затем – *что* поглотило ее внимание.

Один за другим все дети до единого повернулись и уставились на Итана – с бездумным видом, за которым, мог бы он присягнуть, притаилась едва завуалированная враждебность.

Улыбнувшись через боль, он сделал им ручкой:
– Привет, дети!

Хоть бы один помахал в ответ или отреагировал хоть как-то. Просто оцепенели все до единого, будто коллекция статуэток, и только головы поворачивались ему вослед, провожая его взглядами, пока он не скрылся из виду за углом спортивного зала.

– Чокнутые мелкие засранцы, – проворчал Итан под нос, когда их смех и визги послышались опять – игра возобновилась.

Миновав Четвертую авеню, он прибавил шаг, и хо-

тя боль от этого усугубилась, он все нажимал, думая: *только доберись туда. Улыбайся, терпи и доберись.*

Оставив позади Третью авеню, он припустил трусцой; ребра снова заныли. Миновал ряды домов, выглядевших более ветхими. «Неблагополучная сторона Заплутавших Сосен? – гадал он. – Разве может у такого городка быть плохая сторона?»

На Первой авеню он остановился.

Мостовая сменилась грунтовой дорогой – от гравия не осталось и следа, разве что вбитые в землю крупные камни, только усугубляющие рытвины и ухабы. Никакого тротуара, никакой дороги, кроме этой. Он дошел до восточной окраины Заплутавших Сосен, и за домами, вытянувшимися вдоль этой улицы, цивилизация внезапно закончилась. Только крутой склон холма, поросшего соснами, взбегал на несколько сотен футов к основанию горного амфитеатра, обступившего город.

Итан захромал посреди пустой грунтовки.

Слышался птичий щебет с опушки леса – и больше ничего. Полнейшая изоляция от ничтожной толики суеты, которую удается наскрести центру Заплутавших Сосен.

Он уже тащился мимо почтовых ящиков с номерами из шестой сотни, чувствуя забрезжившее в душе облегчение при мысли, что дом Беверли уже в следу-

ющем квартале.

Снова подползало головокружение, накатывая волнами, хотя пока что легкое.

Следующий перекресток являл взгляду совершенное запустение.

Ни души вокруг.

Теплый ветерок, сбегая с горы, гнал по улице крохотные пылевые смерчки.

Вон он – 604-й, второй дом справа. Это видно по крохотной стальной пластинке, привинченной к тому, что осталось от почтового ящика, целиком обросшего ржавчиной, не считая зияющих иззубренных дыр. Изнутри ящика доносилось негромкое чириканье, и на миг Итану показалось, что там может быть очередной динамик, но затем он увидел крылышко птицы, угнездившейся внутри.

Посмотрел на сам дом.

Вероятно, когда-то тот был очаровательным двухэтажным «викторианцем» с островерхой крышей и крыльцом, с качелями и каменной дорожкой, ведущей через передний двор ко входу.

Краска давным-давно облупилась. Даже стоя посреди улицы, Итан видел, что не уцелело ни чешуйки. Трухлявые доски обшивки, еще державшиеся на покосившемся остоле, выгоревшие на солнце почти до белизны, по большей части пребывали на послед-

них стадиях разрушения. В окнах не сохранилось ни осколка стекла.

Он вытащил из кармана чек за вчерашний обед и сверился с адресом. Почерк вполне разборчивый – 604, 1-я ав., – но, может, Беверли перепутала цифру или написала «ав.», имея в виду «ул.»?

Итан пробился через сорняки по пояс, заполонившие передний двор так, что сквозь заросли лишь местами проглядывали камни дорожки.

Две ступеньки, ведущие к крытому крыльцу, выглядели так, будто прошли через щеподробилку. Подойдя, Итан через них ступил прямо на настил крыльца, издавший под его весом оглушительный скрип.

– Беверли?

Дом будто поглотил его голос.

Осторожно пересек крыльцо, ступил в дверной проем без двери и снова позвал ее по имени. Слышал, как ветер гуляет по дому, заставляя деревянный каркас стенать. Сделав три шага в гостиную, остановился. На полу среди рассыпающегося остова ветхого дивана ржавели пружины. Журнальный столик опутала паутина, а под ним – страницы какого-то журнала, промокшие и сопревшие до неузнаваемости.

Беверли – даже в шутку – не могла желать, чтобы он явился сюда. Должно быть, случайно написала что-то не так...

Донесшийся запах заставил его вскинуть голову. Итан сделал осторожный шаг вперед, чтобы не напороться на тройку гвоздей, торчащих сквозь половицу.

Снова понюхал воздух.

Порыв ветра, потряхнувший дом, принес новую волну запаха, и Итан спешно спрятал нос в сгибе локтя. Двинулся вперед, мимо полуразвалившейся лестницы, в узкий коридорчик между кухней и столовой, где потоки света заливали расщепленные останки обеденного стола, полупогребенного рухнувшим потолком.

Итан пробирался вперед, осторожно прокладывая путь по минному полю подгнивших половиц и открытых дыр, зияющих в подпол.

Холодильник, раковина, плита – ржавчина покрыла каждую металлическую поверхность, как лишай; это место напомнило Итану старые постройки, попадавшие им с друзьями во время летних вылазок в леса за их фермами. Брошенные амбары и хижинки с дырявыми крышами, сквозь которые солнце лило целые столбы света. Однажды он нашел газету полувековой давности в старом письменном столе, сообщавшую о выборах нового президента; хотел взять ее домой, чтобы показать родителям, но та оказалась настолько хрупкой, что рассыпалась в руках хлопьями.

Итан не рисковал дышать через нос уже больше минуты, и все равно чувствовал, что зловоние становится все крепче. Он готов был поклясться, что чувствует его вкус в уголках рта, и одна лишь интенсивность запаха – похуже, чем нашатырный спирт, – вышибала слезы на глазах.

В дальнем конце коридора стало темнее – здесь его пока прикрывал потолок, до сих пор каплющий сыростью после ливня, прошедшего неведь когда.

Дверь в конце коридора была закрыта.

Сморгнув слезы с глаз, Итан хотел было взяться за ручку двери, но не обнаружил ее.

И просто двинул по двери ногой.

Петли заскрежетали.

Дверь грохнула о стену, и Итан переступил порог.

В точности, как в его воспоминаниях об этих строениях, пули света прошивали дыры в дальней стене, искрясь в лабиринте паучьих тенет, прежде чем упасть на единственный предмет мебели в комнате.

Металлическая рама еще стояла, и сквозь осклизлые останки матраса проглядывали пружины, будто свернувшиеся спиралью медноголовые змеи.

Мух он до сих пор не слышал лишь потому, что те собрались у человека во рту – целый метрополис, и их коллективное жужжание билось, как небольшой лодочный мотор.

Ему доводилось видеть и кое-что похуже – в боевых условиях, – но обонять ничего хуже этого еще нет.

Белизна проглядывала повсюду – кости запястий и лодыжек, прикованных наручниками к железным прутьям спинок кровати. Плоть на обнаженной правой ноге висела чуть ли не лохмотьями. Внутренняя архитектура левой стороны лица покойника была как на ладони, вплоть до корней зубов. Живот вспучился – Итан видел, как тот выпирает сквозь лохмотья костюма – черного однобортного костюма.

В точности такого же, как его собственный.

И хотя от лица ничего не осталось, длина и цвет волос вполне соответствовали.

Да и рост тоже.

Попятившись на подгибающихся ногах, Итан привалился к косяку.

Бога душу мать.

Это агент Эванс.

* * *

Снова на переднем крыльце брошенного дома. Итан перегнулся пополам, упершись ладонями в колени, и принялся делать глубокие, до самого донца легких, вдохи через нос, чтобы прогнать прочь зловолие. Но без толку. Смерад смерти прочно обосновал-

ся у него в носовых пазухах, будто едкая, тлетворная желчь на мягком нёбе.

Итан снял пиджак, расстегнул рубашку, выпутался из рукавов. Вонь пропитала волокна одежды насквозь.

Без рубашки он пробился сквозь бурьянное буйство на месте бывшего переднего двора и наконец выбрался на грунтовку.

Чувствовал холод стертой кожи на пятках и басовое биение в черепе, но выплеск чистейшего адреналина нивелировал боль.

Итан зашагал широким шагом посреди улицы, а мысли понеслись галопом. Его подмывало обыскать пиджак и брюки покойного в надежде добыть бумажник, какое-нибудь удостоверение личности, но разумнее ничего не трогать. Не прикасаться ни к чему. Пусть на эту комнату накинута люди в латексных перчатках и масках, вооруженные всеми мыслимыми орудиями судебной экспертизы по последнему слову техники.

И все же это как-то не укладывалось в голове.

Федерального агента убили в этом райском уголке.

Хоть Итан и не коронер, но не сомневался, что лицо Эванса не просто сгнило с одной стороны. Череп проломлен. Зубы выбиты. Одного глаза как не бывало.

Его еще и пытали.

Пролетев шесть кварталов на одном духу, Итан бе-

гом устремился по тротуару ко входу в офис шерифа.

Оставив пиджак и рубашку на скамейке снаружи, он потянул на себя одну из створок двери.

Приемная оказалась комнатой, обшитой деревянными панелями с коричневым ковровым покрытием и головами животных, развешанными везде, где только была свободная вертикальная поверхность этого предмета недвижимости.

За столом шестидесяти-с-чем-то-летняя женщина с длинными серебристыми волосами играла в «Соли-тер» материальной колодой карт. Отдельно стоящая табличка с именем на ее столе гласила «Белинда Моран».

Подойдя к самому столу, Итан проследил, как она выкладывает еще четыре карты, прежде чем наконец оторваться от игры.

– Могу ли я вам помочь... – Вытаращив глаза, женщина оглядела его с головы до ног и с ног до головы, морща нос от, как он предположил, чудовищного смрада человеческого тлена, должно быть, исходящего от него. И изрекла: – Вы без рубашки.

– Секретная служба Соединенных Штатов, специальный агент Итан Бёрк, пришел повидаться с шерифом. Как его зовут?

– Кого?

– Шерифа.

– А! Поуп. Шериф Арнольд Поуп.

– Он у себя, Белинда?

Вместо ответа на вопрос она взяла трубку со своего телефонного аппарата с дисковым номеронабирателем и набрала трехзначный внутренний номер.

– Привет, Арни, тут тебя человек на повидать. Говорит, он секретный агент или навроде того.

– Специальный агент из...

Она подняла палец.

– Не знаю, Арни. Он без рубашки, а еще он... – раз-вернувшись в своем вертящемся кресле спиной к Итану, она прошептала: – ...скверно пахнет. Взаправду скверно... Ладно. Ладно, я ему скажу.

Повернувшись обратно, она повесила трубку.

– Шериф Поуп скоро к вам подойдет.

– Мне нужно видеть его сейчас же.

– Я понимаю. Можете подождать вон там. – Она указала на скопление стульев в соседнем углу.

Мгновение поколебавшись, Итан наконец повернулся и направился к зоне ожидания. Разумнее обставить эту первую встречу цивилизованно. Как показывает его опыт, если федералы начинают переть пузом прямо с порога, местные блюстители правопорядка тотчас встают в оборонительную позицию. А в свете того, что он только что обнаружил в брошенном доме, в обозримом будущем придется работать с этим ти-

пом рука об руку. Уж лучше начать с протянутой для пожатия ладони, чем с выставленного среднего пальца.

Итан опустился в одно из четырех мягких кресел сидячей зоны.

Пустившись бегом, он вспотел, но теперь частота пульса вернулась к норме, и пленка пота на коже начала стынуть под холодным дуновением из решетки централизованного кондиционирования воздуха над головой.

Свежего чтива на столике перед его креслом почти что не было – только пара-тройка старых номеров «Нэшнл джиогрэфик» и «Попьюлар сайенс». Так что он откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

Боль в голове вернулась – пик каждого биения возрастал на каком-то молекулярном уровне, и ощутимым возрастание становилось лишь на протяжении минут. Он физически слышал буханье головной боли в полнейшей тишине офиса шерифа, где не раздавалось ни звука, кроме шлепков карт.

Услышал, как Белинда говорит: «Да!»

Открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как она выкладывает последнюю карту, сумев разложить свой пасьянс. Собрала карты, перетасовала их и начала сызнава.

Прошло еще пять минут.

Еще десять.

Белинда закончила игру и перемешивала колоду снова, когда Итан заметил первый импульс раздражения – тик под левым глазом.

Боль все нарастала, а он ждал уже, по собственному ощущению, минут пятнадцать. И за этот отрезок времени телефон не зазвонил ни разу, и ни одна живая душа не вошла в здание.

Закрыв глаза и ведя обратный отсчет от шестидесяти, Итан помассировал виски. Когда снова открыл их, по-прежнему сидел на том же месте, без рубашки, озябший, Белинда по-прежнему раскладывала карты, а шериф по-прежнему не показывался.

Встав, Итан секунд десять боролся с накатившим приступом дурноты, прежде чем наконец восстановил равновесие. Снова подошел к столу секретаря и подождал, пока Белинда возведет очи горе.

Она выложила пять карт, прежде чем соизволила признать его существование.

– Да?

– Извините, что досаждаю, но я жду уже минут двадцать.

– Шериф сегодня вправду занятой.

– Ничуть не сомневаюсь, но мне нужно поговорить с ним незамедлительно. Так что либо можете снова связаться с ним по телефону и сказать, что больше

ждать я не намерен, либо я пойду туда сам и...

Телефон на ее столе зазвонил. Белинда сняла трубку.

– Да? ...Ладно, само собой. – Положив трубку на рычаг, она улыбнулась Итану. – Теперь вам добро пожаловать. Пряменько туда по коридору. Его кабинет за дверью в самом конце.

* * *

Итан постучал чуть ниже таблички.

– Айда! – гаркнул низкий голос с той стороны.

Итан повернул ручку, толчком открыл дверь и вошел.

В темном паркетном полу кабинета прошарканы глубокие дорожки. Слева громадная голова лося на стене напротив грандиозного письменного стола в деревенском стиле. Позади стола три антикварных оружейных шкафа, битком набитые винтовками, дробовиками, короткоствольным оружием, и Итан насчитал достаточно коробок с патронами, чтобы перестрелять все население города поголовно три раза подряд.

В кожаном кресле за столом развалился мужчина лет на десять старше его, закинув ноги в ковбойских сапогах на стол. Его волнистые белокурые волосы в ближайший десяток лет, наверное, совсем побелеют,

а щетина на подбородке не брита уже пару дней.

Темно-коричневые парусиновые брюки.

Рубашка с длинными рукавами, с планкой на пуговицах – темно-зеленая.

Блеснувшая на свету звезда шерифа, с виду из литой бронзы, с затейливой гравировкой, демонстрировала черные инкрустированные буквы ЗС в центре.

По пути к столу Итану показалось, что шериф украдкой усмехнулся себе под нос.

– Итан Бёрк, Секретная служба.

Он протянул руку через стол, и шериф вдруг замялся, словно вступив в мысленную дискуссию с самим собой, стоит ли шевелиться. Но в конце концов убрал сапоги со стола и подался в кресле вперед.

– Арнольд Поуп. – Они обменялись рукопожатием. – Присаживайтесь, Итан.

Тот опустился на один из деревянных стульев с прямой спинкой.

– Как самочувствие? – справился Поуп.

– Бывало и получше.

– Дык. Наверно, и пахли получшее. – Поуп мельком усмехнулся. – В лихую вы попали аварию пару дней тому. Прямо трагедия.

– Ага, я надеялся узнать подробности об этом от вас. Кто в нас врезался?

– Очевидцы говорят, дальнобойщик.

– Водитель под стражей? Ему предъявили обвинения?

– Был бы, кабы я мог его сыскать.

– Вы хотите сказать, что он скрылся с места ДТП?

– Снял с города, как только вас долбанул, – кивнул Поуп. – Пока я добрался к месту, его и след простыл.

– И никто не запомнил номер или что-нибудь?

Покачивая головой, Поуп взял что-то со стола – снежный шар на золотом основании. Начал перекачивать его из ладони в ладонь, и вокруг миниатюрных домиков под стеклом закружила снежная вьюга.

– Какие усилия предприняты по отысканию этого грузовика? – поинтересовался Итан.

– Приставили штат к делу.

– В самом деле?

– Дык.

– Я бы хотел видеть агента Столлингса.

– Его тело держат в морге.

– И где же это?

– В подвале больницы.

И вдруг Итана осенило. Ни с того ни с сего. Будто кто-то на ухо нашептал.

– Можно позаимствовать листок бумаги? – спросил Итан.

Открыв ящик стола, Поуп оторвал листок от верха

стопки липкой бумаги для заметок и вручил его Итану вкупе с авторучкой. Тот подвинул стул вперед, положил листочек на стол и чиркнул номер.

– Как я понимаю, мои вещи у вас? – осведомился он, сунув листок в карман.

– Какие вещи?

– Мой мобильник, пистолет, бумажник, жетон, портфель...

– Кто вам это сказал?

– Медсестра в больнице.

– Без понятия, с чего это ей взбрело в голову.

– Погодите. Значит, у вас *нет* моих вещей?

– Нет.

Итан воззрился на Поупа через стол.

– Так, может, они все еще в машине?

– В какой машине?

Итан уже изо всех сил сдерживался, чтобы не повышать голоса.

– Той, в которую врезался грузовик, когда я был в ней.

– Пожалуй, такое возможно; я почти уверен, что ваши вещи взяла бригада «Скорой помощи».

– Господи.

– Что?

– Ничего. Вы не будете против, если я сделаю парочку телефонных звонков перед уходом? Я не разго-

варивал с женой уже много дней.

– Я говорил с ней.

– Когда?

– В день происшествия.

– Она выехала сюда?

– Понятия не имею. Я просто дал ей знать о том, что случилось.

– Мне также нужно позвонить своему начальнику...

– Кто это?

– Адам Хасслер.

– Он вас сюда направил?

– Совершенно верно.

– А он вас заодно не проинструктировал не трудиться являться ко мне заранее, чтобы дать знать, что в мою епархию нагрянут федералы? Или вы это сам по себе?

– Вы что думаете, что я должен...

– Любезность, Итан. Любезность. Опять же ж, будучи федералом, может, вы не знакомы с этим понятием...

– Я бы непременно со временем связался с вами, мистер Поуп. Никто не намеревался оставить вас за бортом.

– А-а. Ну, раз так...

Итан замешкался, желая внести ясность, сообщить только те сведения, которыми хотел поделиться, и ни

на йоту более. Но голова просто раскалывалась, а двоение в глазах угрожало разделить шерифа, превратив его лицо в жопу.

– Меня отправили сюда отыскать двоих агентов Секретной службы.

Брови Поупа полезли на лоб.

– Они чего, пропали?

– Уже одиннадцать дней назад.

– А чего они делали в Заплутавших Соснах?

– Мне не предоставили детальную информацию об их расследовании, однако мне известно, что оно касается Дэвида Пилчера.

– Имя мне вроде как бы смутно знакомое. Он кто?

– Он постоянно входит в списки богатейших людей мира. Один из миллиардеров-анахоретов. Никогда не беседует с прессой. Владеет кучей биофармацевтических компаний.

– А какое он имеет касательство к Заплутавшим Соснам?

– Опять же, этого я не знаю. Но раз сюда наведася Секретная служба, значит, наверное, велось какое-то расследование, связанное с финансовыми преступлениями. Вот и все, что мне известно.

Поуп внезапно встал. Он даже сидя не производил впечатления малорослого, а уж когда встал, Итан увидел, что вместе с сапогами он всего дюйм-другой не

дотягивает до шести с половиной футов.

– Можете воспользоваться телефоном в комнате для совещаний, агент Бёрк.

Итан не сделал даже попытки подняться со стула.

– Я еще не закончил, шериф.

– Комната для совещаний прямо вон туда. – Обогнув стол, Поуп направился к двери кабинета. – Может, в другой раз лучше в рубашке? Просто предлагаю.

Буханье в голове Итана окрасилось в тона гнева.

– А вы не хотите узнать, почему я без рубашки, шериф?

– Да не особо.

– Один из агентов, которых я прибыл разыскивать, разлагается в доме в шести кварталах отсюда.

Поуп замер на пороге спиной к Итану.

– Я только что нашел его там перед приходом сюда, – сообщил тот.

Обернувшись, Поуп устремил на Итана испепеляющий взгляд.

– Поподробнее с места «я только что нашел его».

– Вечером барменша в «Биргартен» дала мне свой адрес на случай, если что-нибудь понадобится. Сегодня утром я проснулся с жуткой головной болью. Совершенно без денег. Из гостиничного номера меня высвырнули. Я направился к ее дому, чтобы раздобыть

какое-нибудь лекарство от головной боли, вот только она с адресом напутала или что.

– Какой адрес?

– Шестьсот четыре, Первая авеню. Это оказался старый брошенный дом. Совсем развалившийся. Агент Эванс был прикован к кровати в одной из комнат.

– Вы уверены, что это тот человек, которого вы приехали сюда разыскивать?

– На восемьдесят процентов. Он порядком разложился, а лицо пострадало от обширной травмы, нанесенной тупым предметом.

Угрюмое выражение, не покидавшее лица шерифа с момента, когда Итан переступил порог его кабинет, изменилось; черты его лица словно смягчились. Подойдя к Итану, он опустился на свободный стул рядом с ним.

– Приношу свои извинения, агент Бёрк. Я заставил вас ждать в приемной. Разозлился, что вы не позвонили, прежде чем приехать в город, и, ну, вы правы. Вы вовсе не должны. У меня скверный характер, это один из моих недостатков, и вел я себя непростительно.

– Извинения приняты.

– Вам выдалась пара тех еще денечков.

– Да уж.

– Ступайте, сделайте свои телефонные звонки, а

уж после поговорим.

* * *

Длинный стол занял почти всю комнату для совещаний; места между спинками стульев и стеной едва хватало, чтобы протиснуться к телефону с диском в дальнем конце.

Выудив листок из кармана, Итан взялся за телефон.

Гудок.

Накрутил номер.

Есть соединение.

Послеполуденное солнце, нарезанное жалюзи на пласты, било по лаку полированного дерева стола клинками ослепительного света.

Выдержав три гудка, он пробормотал:

– Ну же, детка, сними трубку.

После пятого отозвался автоответчик.

Голос Терезы:

– Привет, вы дозвонились до Бёрков. Сожалею, что нас нет на месте и мы не можем вам ответить... конечно, если вы только не телемаркетер... тогда мы в восторге, что пропустили ваш звонок и, правду сказать, мы, наверное, уклоняемся и будем рады, если вы забудете этот номер. В противном случае высказывай-

тесь после гудка.

– Тереза, это я. Боже, чувство такое, будто я сто лет твой голос не слышал. Думаю, ты уже в курсе, что я попал тут в аварию. Что-то никто не может найти мой телефон, так что если ты пыталась дозвониться, уж извини. Я остановился в отеле «Заплутавшие Сосны», номер двести двадцать шесть. Еще можешь попробовать позвонить мне в офис шерифа. Надеюсь, вы с Беном в порядке. У меня все нормально. Еще побаливает, но уже получше. Пожалуйста, позвони мне вечером в отель. Постараюсь перезвонить тебе в ближайшее время. Я люблю тебя, Тереза. Очень.

Итан положил трубку на аппарат и посидел минутку, пытаясь выудить из памяти номер сотового жены. Добыл первые семь цифр, но три последние остались окутаны тайной.

Номер отделения Конторы в Сиэтле всплыл тотчас же. Набрал, и после третьего гудка ответил незнакомый Итану женский голос:

– Секретная служба.

– Привет, это Итан Бёрк. Будьте любезны, мне нужно поговорить с Адамом Хасслером.

– Он в данный момент недоступен. Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Нет, мне в самом деле нужно с ним поговорить. Его что, сегодня нет в офисе?

- Он в данный момент недоступен. Могу я вам чем-нибудь помочь?
- Как насчет того, чтобы я позвонил ему на сотовый? Вы не могли бы подсказать номер?
- Ой, боюсь, предоставлять подобные сведения мне не разрешается.
- Вы понимаете, кто я такой? *Агент* Итан Бёрк?
- Могу я вам чем-нибудь помочь?
- Как вас зовут?
- Марси.
- Вы новенькая, так?
- Третий день на службе.
- Послушайте, я тут в Заплутавших Соснах, Ай-дахо, увяз в говне. Вытащите Хасслера к телефону немедленно. Мне безразлично, чем он занят. Хоть он на совещании... хоть он срет... давайте его к чертову телефону.
- Ой, извините.
- Что?
- Я не смогу продолжать эту беседу, если вы будете говорить со мной в таком тоне.
- Марси!
- Да?
- Прошу прощения. Сожалею. Я повысил на вас голос, но мне надо поговорить с Хасслером. Это не терпит отлагательств.

– Я с радостью передам ему сообщение, если хотите.

Итан закрыл глаза.

Ему пришлось скрипнуть молярами, чтобы не наорать по телефону.

– Скажите ему позвонить агенту Итану Бёрку в офис шерифа Заплутавших Сосен, или в отель «Заплутавшие Сосны», номер двести двадцать шесть. Он должен сделать это сию же секунду, как только получит сообщение. Агент Эванс мертв. Вы меня поняли?

– Я передам ему сообщение! – жизнерадостно поведала Марси и повесила трубку.

Оторвав трубку от уха, Итан пять раз грохнул ею о стол.

Уже кладя ее на рычаг аппарата, он заметил шерифа Поупа, стоящего на пороге комнаты для совещаний.

– Все в порядке, Итан?

– Ага, это... просто столкнулся с проблемкой, пытаюсь дозвониться до своего начальника.

Войдя, Поуп закрыл за собой дверь и сел в конце стола напротив Итана.

– Вы сказали, пропали двое агентов? – спросил он.

– Именно.

– Расскажите мне о втором.

– Ее зовут Кейт Хьюсон. Работала в региональном

отделении в Бойсе, а до того в Сиэтле.

– Вы там были с ней знакомы?

– Мы были напарниками.

– Значит, ее перевели?

– Да.

– И Кейт прибыла сюда с агентом...

– Биллом Эвансом.

– ...с этим совершенно секретным расследованием.

– Верно.

– Я бы хотел помочь. Вам нужна моя помощь?

– Конечно, Арнольд.

– Лады. Давайте начнем с азов. Как Кейт выглядит?

Итан откинулся на спинку стула.

Кейт.

Он столь дотошно вышколил себя за последний год *не думать* о ней, что потребовалось несколько секунд, чтобы вызвать в памяти ее лицо, – и вспоминать ее было все равно, что вскрывать только-только зарубцевавшуюся рану.

– Рост пять и два – пять и три. Сто пять фунтов.

– Малютка, а?

– Лучшего блюстителя закона я не встречал. Короткие каштановые волосы, когда я в последний раз ее видел, но могла и отрастить. Голубые глаза. Необычайно красивая.

Боже, он до сих пор чувствует ее вкус на губах.

– Особые приметы?

– Ага, действительно. Небольшая родинка на щеке.

Цвета кофе с молоком, размером с пять центов.

– Передам весточку заместителям; может, даже сделаем набросок, чтобы показывать по городу.

– Было бы здорово.

– Почему, вы сказали, Кейт перевели из Сиэтла?

– Я не говорил.

– Ну, вы-то знаете?

– По слухам, какие-то внутренние перетасовки. Я бы хотел увидеть машину.

– Какую машину?

– Черный «Линкольн Таункар», который я вел, когда произошла катастрофа.

– А, конечно.

– Где я могу его найти?

– На свалке металлолома на окраине. – Шериф встал. – Так какой там адрес, говорите?

– Шестьсот четыре, Первая авеню. Я вас провожу.

– Нет нужды.

– Я хочу.

– Я *не* хочу.

– Почему?

– Вам еще что-нибудь нужно?

– Я бы хотел знать результаты вашего расследова-

ния.

– Возвращайтесь завтра после ленча. Поглядим, чего нароем.

– А вы не подбросите меня на свалку металлолома посмотреть машину?

– Думаю, это можно повернуть. Но покамест давайте трогаться. Я вас провожу.

* * *

Пиджак и рубашка Итана пахли чуть лучше, когда он сунул руки в рукава и двинулся вниз по улице прочь от офиса шерифа Заплутавших Сосен. От него по-прежнему смердело, но он решил, что омерзительный запах тухлятины будет привлекать меньше внимания, чем мужчина, разгуливающий по городу в одних костюмных брюках.

Он взял самый бодрый темп, на какой его хватило, но дурнота то и дело накатывала волнами, голова превратилась в сосуд боли, и каждый шаг посылал все новые буры мэки в дальние закоулки черепа.

«Биргартен» был открыт и пуст, не считая одинокого скучающего бармена, сидевшего на табурете за стойкой, читая роман в бумажной обложке – одну из пер-

вых книг Ф. Пола Вилсона⁹.

Подойдя к стойке, Итан осведомился:

– Беверли будет работать нынче вечером?

Тот поднял палец: подожди, дескать.

Прошло десять секунд, пока он дочитывал предложение. Наконец закрыл книгу и предоставил Итану все свое внимание.

– Что вам принести выпить?

– Ничего. Я ищу женщину, которая обслуживала меня вчера вечером. Ее зовут Беверли. Красивая брюнетка. За тридцать. Довольно высокая.

Бармен слез с табурета и положил книгу на стойку. Собрал свои длинные седеющие волосы, цветом напоминающие мутную мыльную воду, в конский хвост.

– Вы здесь были? В этом ресторане? Вчера вечером?

– Совершенно верно, – подтвердил Итан.

– И говорите мне, что обслуживанием занималась высокая брюнетка?

– Именно. По имени Беверли.

Тот тряхнул головой, и Итан заметил в его улыбке намек на издевку.

– Здесь на зарплате обслуживанием занимаются два человека. Парень по имени Стив да я.

---

⁹ Ф. Пол Вилсон (р. 1946) – американский писатель, успешно работавший в жанрах фантастики, триллера и хоррора.

– Нет, меня вчера вечером обслуживала эта женщина. Я съел бургер, сидел вон там, – указал Итан на угловой табурет.

– Пойми меня правильно, дружок, но сколько ты выпил?

– Нисколько. И я вам не дружок. Я федеральный агент. И я знаю, что был здесь вчера вечером, и знаю, кто меня обслуживал.

– Извини, мужик, не знаю, чего тебе сказать. По-моему, ты был в другом ресторане.

– Нет, я...

И тут Итан вдруг утратил ориентацию.

Вдавил кончики пальцев в виски.

Теперь он чувствовал биение височной артерии, каждый удар сердца долбал ледяной болью, с которой он познакомился в детстве, – той мимолетной, зубодробительной болью, следовавшей за чересчур жадным укусом фруктового льда или мороженого.

– Сэр? Сэр, вам нехорошо?

Итан попятился на подгибающих ногах от стойки, сумев выдавить:

– Она была здесь. Я знаю. Я не знаю, почему вы делаете...

А затем он уже стоял на улице, упираясь ладонями в колени, склонившись над лужей блевотины на тротуаре – как он тут же догадался, сделанной им са-

мим, – с саднящим от желчи горлом.

Выпрямился, утер рот рукавом пиджака.

Солнце уже опустилось за скалы, и на город снизошла вечерняя прохлада.

Еще остались недоделанные дела – отыскать Беверли, найти бригаду «Скорой помощи» и вернуть личные вещи, – но ему хотелось лишь свернуться калачиком в постели в темной комнате. Заспать боль. Замешательство. И фундаментальную эмоцию, лежащую подо всем этим, закрывать глаза на которую все труднее и труднее.

Ужас.

Усиливающееся ощущение, будто что-то очень и очень не так.

* * *

Вскарабкавшись по каменным ступеням, он протиснулся сквозь двери в фойе отеля.

Воздух согрет камином.

Молодая парочка, заняв один из диванчиков у очага, потягивала из бокалов искрящееся вино. Романтический отпуск, предположил Итан, наслаждаясь совершенно иной стороной Заплутавших Сосен.

За роялем мужчина в смокинге играл «Всегда смотр-

ри на светлую сторону жизни»¹⁰.

Итан подошел к конторке, заставив себя улыбнуться-ся сквозь боль.

Та же служащая, которая выдворяла его из номера нынче утром, заговорила, еще не подняв глаз:

– Добро пожаловать в отель «Заплутавшие Сосны». Чем я могу помочь...

Увидев Итана, она осеклась.

– Привет, Лиза.

– Я впечатлена, – заявила она.

– Впечатлена?

– Вы вернулись расплатиться. Сказали, что вернетесь, но я, честно говоря, не думала, что когда-либо увижу вас снова. Я прошу прощения за...

– Нет, послушайте, сегодня я пока не смог отыскать свой бумажник.

– Вы хотите сказать, что вернулись не затем, чтобы заплатить за вчерашний ночлег? Как обещали мне множество раз?

Итан прикрыл глаза, цедя воздух сквозь неистовую боль.

– Лиза, вы даже не представляете, что за денек мне выдался. Мне нужно лишь прилечь на пару часиков. Мне не нужен номер на всю ночь. Только местеч-

---

¹⁰ Always Look on the Bright Side of Life – песня Эрика Айбла из фильма «Житие Брайана по Монти Пайтону».

ко, чтобы вздремнуть, прочистить мозги. Мне ужасно больно.

– Погодите-ка. – Соскользнув со стула, она перегнулась к нему через стойку. – Вы по-прежнему не в состоянии заплатить и теперь просите у меня *еще* номер?

– Мне больше некуда пойти.

– Вы мне ввали.

– Сожалею. Я и вправду думал, что смогу к...

– Вы понимаете, что ради вас я подставилась под удар? Что я могла лишиться работы?

– Извините, я не хотел...

– Ступайте.

– Простите?

– Вы меня слышали?

– Мне некуда идти, Лиза. У меня нет телефона. Нет денег. Я не ел со вчерашнего вчера и...

– Растолкните мне еще разок, каким боком хоть что из этого меня колышет.

– Мне только-то и нужно, что прилечь на пару часиков. Я вас умоляю.

– Послушайте, я растолковала вам как могла внятно. Теперь вам пора уходить.

Итан не шелохнулся. Просто смотрел на нее в надежде, что она, разглядев страдание в его взгляде, смилостивится.

Но Лиза вместо того сняла трубку и начала набирать номер.

– Что вы делаете? – спросил Итан.

– Звоню шерифу.

– Ладно, отлично. – Подняв руки в знак капитуляции, он попятился от стойки. – Ухожу.

И уже подошел к дверям, когда Лиза окликнула его:

– И чтобы больше я никогда вас здесь не видела!

Итан едва не оступился, спускаясь по ступеням, и, пока добрался до тротуара, голова совсем поплыла. Огни фонарей и огни фар проезжающих автомобилей завертелись, и Итан почувствовал, что сила отливает от ног, будто кто-то выдернул сливную пробку.

И тем не менее он двинулся по тротуару, увидев, что здание красного кирпича высится над улицей в восьми кварталах отсюда. Страх еще гнезвился в нем, но теперь он нуждался в больнице. Хотел обрести постель, сон, медикаменты. Что угодно, только бы покончить с болью.

Тут уж либо в больницу, либо спать под открытым небом – в переулке или в парке во власти стихий.

Но пока что это целых восемь кварталов, и каждый шаг сейчас требует сокрушительного расхода энергии, а огни вокруг уже начали распадаться – кружа, длинные хвосты стали ярче, выразительнее, зрительное восприятие исказилось, словно он способен ви-

деть мир только как сделанный на сверхдлинной экспозиции фотоснимок ночного города – фары автомобилей растягивались в пламенеющие ленты, а уличные фонари пылали газовыми горелками.

Наткнулся на кого-то.

Тот оттолкнул его, бросив:

– Ты, че, и водишь так же?

На следующем перекрестке Итан остановился, сомневаясь, что в состоянии его пересечь.

Попятившись на заплетающихся ногах, жестко плюхнулся на тротуар, привалившись спиной к стене здания.

На улице сталолюдно – перед глазами все плыло, но он слышал звук шагов по бетону и обрывки разговоров прохожих.

Утратил всякое ощущение времени.

Возможно, задремал.

Потом оказался лежащим на боку на холодном бетоне, чувствуя чье-то дыхание и голос прямо в лицо.

Слова докатывались до него, но Итан не мог собрать их и выстроить в сколь-нибудь осмысленном порядке.

Открыл глаза.

Ночь уже наступила.

Он дрожал.

Рядом с ним на коленях стояла женщина, и он чув-

ствовал ее ладони, вцепившиеся в его плечи. Она трясла его, обращаясь к нему:

– Сэр, вам нехорошо? Вы меня слышите? Сэр? Вы можете посмотреть на меня и сказать, в чем дело?

– Да он пьяный! – мужской голос.

– Нет, Гарольд. Он болен.

Итан попытался сфокусировать взгляд на ее лице, но было темно, все расплывалось, и он видел лишь сияние фонарей через дорогу, будто маленьких солнышек, да время от времени прочерк света проезжающего автомобиля.

– Голова болит, – промямлил он голосом, слишком слабым, пронизанным болью и страхом, чтобы принадлежать ему. – Мне нужна помощь.

Взяв его за руку, она сказала, чтобы он не тревожился, не боялся, что помощь уже в пути.

И хотя державшая его рука явно принадлежала отнюдь не молодой женщине – кожа слишком натянутая и тонкая, будто старый пергамент, – было в ее голосе что-то настолько знакомое, что у него прямо сердце защемило.

Глава 04

Из Сиэтла они паромом переправились на остров Бейнбридж и направились на север полуострова по направлению к Порт-Анджелесу колонной из четырех автомобилей, везущих пятнадцать ближайших друзей Бёрка.

Тереза надеялась на погожий день, но было холодно, сеялся серый дождь, застилая Олимпийские горы, и ничего не было видно, кроме узкого коридора их шоссе.

Но все это не играло никакой роли.

Они отправились бы, невзирая на погоду, и если бы никто не захотел присоединиться, они с Беном пустились бы в поход вдвоем.

За рулем была ее подруга Дарла, а Тереза на заднем сиденье держала своего семилетнего сына за руку, сквозь испещренное дождевыми каплями стекло глядя на проносящийся мимо темно-зеленый лес.

В нескольких милях к западу от города на шоссе 112 начиналась тропа на Полосатый пик.

Небо еще было затянуто тучами, но дождь уже перестал.

Тронулись в молчании, шагая вдоль воды, слыша лишь чавканье ног по грязи да белый шум прибоя.

Проходя по тропе над бухтой, Тереза бросила туда взгляд, но вода оказалась не такой синей, как ей помнилась, – пожалуй, виновата здесь обложная облачность, приглушившая цвет, а вовсе не ее память.

Миновав бункеры времен Второй мировой войны, группа вскарабкалась через заросли папоротника в лес.

Повсюду мох.

С деревьев до сих пор каплет.

Зелень пышная и яркая даже в начале зимы.

Они подошли к вершине.

И за все это время никто не обронил ни слова.

Тереза чувствовала, как гудят ноги и слезы наворачиваются на глаза.

Когда они достигли вершины, пошел дождь – легкий, всего лишь отдельные капли, косо летящие по ветру.

Тереза вышла на луг.

Теперь она уже плакала.

В ясный день вид на море, раскинувшееся в тысяче футов ниже, открылся бы на многие мили.

Но сегодня пик окутан маревом.

Без сил опустившись на мокрую траву, она спрятала голову между коленей и поплакала.

Слышался лишь перестук мороси по капюшону ее пончо – и больше ничего.

Бен присел рядом, и она обняла его за плечи, сказав:

– Ты хорошо шел, дружок. Как ты себя чувствуешь?

– Да нормально, наверное. Это оно и есть?

– Ага, это оно и есть. Не будь тумана, видно было бы куда дальше.

– Что будем делать теперь?

Утерев глаза, она сделала глубокий, трепетный вздох.

– Теперь я скажу что-нибудь о твоём папе. Может, другие люди тоже.

– А мне надо?

– Только если хочешь.

– Не хочу.

– Ну и ладно.

– Это не значит, что я больше его не люблю.

– Я знаю.

– А он хотел бы, чтобы я сказал о нём?

– Нет, если тебе от этого не по себе.

Тереза закрыла глаза, улучив минутку, чтобы взять себя в руки.

Вскарабкалась на ноги.

Ее друзья бродили среди папоротников, согревая руки дыханием.

На вершине было свежо, от сильного ветра по папоротникам бежали волны, и воздух был настолько хо-

лоден, что дыхание вырывалось изо рта паром.

Она подозвала друзей, и все сгрудились, пытаясь хоть как-то укрыться от дождя и ветра.

Тереза рассказала, как они с Итаном совершили вылазку на полуостров через несколько месяцев после того, как начали встречаться. Остановились в мини-гостинице в Порт-Анджелесе и однажды под вечер вдруг наткнулись на тропу, ведущую на Полосатый пик. Достигли вершины на закате ясным, безмятежным вечером, и когда она смотрела через пролив в дальние дали Южной Канады, Итан вдруг преклонил колено и сделал предложение.

Он тем утром купил игрушечный перстенок в торговом автомате мини-маркета. Сказал, что не планировал ничего такого, но в этой поездке вдруг понял, что хочет провести остаток жизни с ней. Сказал ей, что никогда еще не был счастливее, чем в этот миг, стоя на вершине горы с целым миром, раскинувшимся у их ног.

– Я тоже не планировала ничего такого, – призналась Тереза, – но сказала «да», и мы стояли там, глядя, как солнце опускается в море. Мы с Итаном всегда говорили, что надо бы приехать сюда на выходные, но вы же знаете – как говорится, человек предполагает, а жизнь располагает. Так или иначе, у нас были прекрасные моменты... – поцеловала сына в ма-

кушку, – ...и не такие уж прекрасные, но по-моему, Итан ни разу не был счастливее, беззаботнее и столь преисполненным надежд на будущее, чем тогда на закате на вершине этой горы тринадцать лет назад. Как вам известно, обстоятельства, окружающие его исчезновение... – Она чуть помедлила, сдержав бурю эмоций, затаившуюся в ожидании, вечно подстерегающую ее. – ...Словом, у нас вообще-то нет ни тела, ни праха, ничегошеньки. Но... – Улыбка сквозь слезы. – Я принесла это. – Она выудила из кармана старенький пластиковый перстенок; золотая краска с колечка давно облезла, но хлипкие зубцы еще держали стеклянную призмочку под цвет изумруда. – В конце концов он преподнес мне бриллиант, но принести это казалось уместнее, да и рентабельнее. – Вытащила из своего мокрого рюкзака садовую лопатку. – Хочу оставить здесь что-то близкое Итану; по-моему, так будет правильно. Бен, ты мне не поможешь?

Опустившись на колени, она разгребла папоротники, чтобы обнажить землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.